

1380588

Галина Щекина

**ГОРЯЩАЯ
РУКОПИСЬ**

 Вологодская областная
универсальная научная
библиотека им. И.В.Бабушкина

дар Веселовой

Н. А.

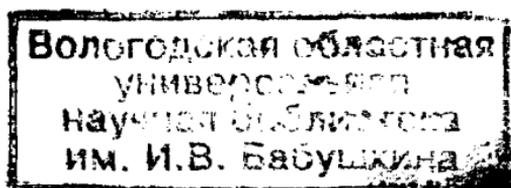

Галина Щекина

ГОРЯЩАЯ РУКОПИСЬ

К 1380588

Вологда 2005

PC
4,38

+кр +кми

ББК 84 ISBN 5-88459-061-X

Щ 38

Галина Щекина родилась в Воронеже (1952),
в Вологде с 1979 года. Автор нескольких
книг прозы - «Бася и К», «Мелисса»,
«Графоманка», «Тедиумм», «Ария»,
одного сборника стихов -
«Чудовищный цветок». «Горящая
рукопись» возникла на стыке
поэзии и прозы. Главная тема -
- литература андеграунда.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

- Особенно с любовью - ты смеялась
до колик в животе над чьей-то страстью,
но приходил тебе черед влюбиться -
ты почему -то горестно вздыхала ишла ко
мне попроздравовать забытость 7
- Унылые зануды, не смешно ли
под утро размышляя о великом,
смягчать серьезность выводов
слезами.....17
- Я не знаю, чем тебя утешить.
Водка, говоришь, и честь и совесть,
красота и даже радость жизни?
Только этот раж другим неведом,
если очень хочешь быть понятным,
проще выражайся и доступней.....19
- От жестких социальных вариаций
до шуток властной рыжекудрой нимфы -
не поле, а поля стихов и прозы,
сумели вы легко разбить на клетки 22
- Ни для кого не новость, что пылают
страстями половина из живущих,
вторая, оторевши, почитает
те страсти пережитком.....24
- Ведь то и дело медленно всплывают
к поверхности литературной жизни
явления, не ставшие искусством.....27
- Кончина века - и закаты века.
И все лелеют мысль о вещи века.
Да и века назад еще мечтали,
а написав, покорно уходили.
Потом совсем другие, так же маясь,
спустя века писали вещи века.
И понимали правду - вещи века
напишет только тот, кто канет в Лету.....28
- ... К сути я подхожу -
к столам для новых русских,
которые стояли в Белом зале.
Икра в розетках, дорогие вина,
пирожные - суфле и "рафаэлло",
вся роскошь с тем, чтоб обратилось
внимание толстосумов на таланты.....30
- Ты глянь на себя, ты сидишь предо мной
среди пальм в заблеванном пиджаке,
как в панцире доисторическом...34
- Я стала рисовать вахтеров, бабок,
Враставших в землю, спя на солнцепеке.
Упившихся рабочим в день получки,
На пляже, в бане торсы изучала,
Пока однажды тихий участковый
Вдруг не пришел. Он штрафом
погрозился
За нарушенье правил поведения.....37
- Тогда к нему сходились
И стар, и мал для философских споров.
Как зло торжествовало незаметно?
Как может бред главенствовать над жизнью,
а идол - растоптать живые души?.... 39
- Варенье алыча в тазу ключами -
сот так толпа безумная кипела
и головы подпрыгивали плавно,
мешали даже действие увидеть.
Природа леса просто ошалела
от треска и распиливанья сучьев,
от ширканья кустов, от мотоциклов,
от вскриков света, бушеванья ночи....41
- Лицо у поэтессы неподвижно.
Она теперь усажена удобно,
в цветах и креслах тихо утопая,
чтоб нам не замечать ее увечья.
Читает строфы мерно, даже глухо,
молитвенно глаза подьемля к небу.
И в этих тихо сомкнутых ресницах,
бровях, - крылато странное прощанье..43
- Под пальмами сидел чудной Герасим.
Он, как и в книге, рослый и лохматый,
как русские, он прост, богобоязнен.
С судьбой вполне согласен.
Лишь одежда
Подчеркивает явное несходство
с тургеневским -
до пяток в адидасе.....46

... Там сидели менестрели -
 Приложения к гитарам.
 Грифы немо прислонялись
 Как пред боем арбалеты,
 как собаки, слыша "рядом".....48

Когда вы на тусовках вместе сидите,
 меня оторопь берет. Такая девочка
 беленькая, такой цыпленочек
 рядом с твоими цепями, лапами без
 пальцев.....54

Не жала рожь, и лен не теребила,
 не тащивала печь и не рожана -
 вот минимум, который бы позволил
 тебе хотя бы рот раскрыть при людях.58

Глядят они сначала не на тексты,
 в которых новизна и свежесть слова.
 Они сначала молча изучают
 имен и отчеств мнимое еврейство,
 потом осведомятся, кто учитель,
 на собственном настаивая четко,
 и лишь потом начнут листать
 страницы.....58

Однажды написать свои сонеты
 Заставил поэтический начальник.
 Все, кроме зека, дали варианты.....61

Приходят ученики Шри Чинмоя, делают
 выставку. Вместо рам голубой
 облицовочный пластик - в квадратах
 пропилены круги. А там цветные
 лепестки, перышки, птицы-души.....62

Может быть, это самое важное на
 сегодня - такое гулкое торжество
 природы, что сердце бьется взаклеб...
 Не распустились ли новые Бьянки?...67

Вот бородатый мэтр простер ладони,
 Заговорил о срубе деревянном,
 От том, что наши жизненные центры
 Удалены от истинной природы.

В порубанных лесах, глухих болотах
 Еще таится свет - душа народа,
 И указал на русские березы,
 Которые лепечут наше горе.....68

А в каждом холле новые знакомства,
 солидные издательства, журналы,
 современные обложки в ламинире, дискуссия
 об ассонансных рифмах, о пост-модерне,
 спор о киберпанке, беседы об известности
 и рынке, о том, где можно
 опубликоваться.....71

- Вы старых прославляете в печати, дасте
 денег, книги, но... Скажите, кто гам у вас
 наменен для изданья?

- МЫ БУДЕМ ИЗДАВАТЬ ЛИШЬ ТЕХ,
 КТО УМЕР.....74

А был во мне птенец, наверно тоже,
 которому хотелось научиться
 крылами хлопать, на кого-то глядя...
 ...Профессор-немец пригласил приехать
 и в Гамбурге читать стихи студентам.
 Неплохо для начала. Мало пользы,
 но надо отрываться от болота.....77

О, бесценный друг, мой новый автор,
 сколько мы с тобою говорили,
 смыслы жизни, смерти задевали,
 все твои рассказы уложили
 в четкую логическую схему,
 где одна надежда - парабеллум,
 иссушивший душу страстотерпца 79

Подруга страх смешна, она готовить
 вбегает прямиком от делегаций,
 и развевающийся шарф летит в
 кастрюлю.....87

Думаю с нежностью о новеньких, об этих
 птенцах человечества, в них так много
 заключено, что мне и голову не надо
 ломать, отчего люблю, да почему. Привет
 входящим!.....93

Я в шоке от чужих идей и стилей,
 без устали хотелось удивляться -
 неужто стольких родина не слышит!
 Хотя в родине нуждается не всякий...94

Я удивилась эзотерику и повела его в
 тюрьму. Я отдаю тюрьме лучшее, что
 у меня есть.....97

- Представьте, рядом с принтером настройка!
Верстаю все неправильно.....99
- Ведь если смысл в романе с малолеткой,
не надо слишком длинных предисловий.
А краевед сказал, что все же надо.....100
- Поэт машинотракторного центра,
которому я правила подборку,
в те дни активизировался очень,
грозился перебить все окна в доме,
и в суд подать.....102
- О да, я клею страшные макеты
и ножницами криво вырезаю,
Пейдж Мейкер не работает, бедняга,
компьютер маломощный зависает 105
Вот так хотелось - от земли да в небо.
Душа упрямо требует чего-то,
что вряд ли умещается в натуру.....108
- Кричали дети, надсажался видик,
там, кажется, с шестью раздевались,
работали на совесть героини.
Из этих сценок триллер получился б.
Тебя поставлю в сборник, ты не
против.....110
- Вокруг потрясались тоскою молчаливою –
он будто стыдился, нарушив молчание,
как будто обжегся вниманием
публики.....114
- Пускай туда ворвется романсеро,
на парня из деревни не похожий,
и пусть его богемные собратья,
горлающие стих в кафе-шантанах,
и те, кто любит шокинги хип-хопа,
и чувственные сексо-манифесты,
и рокеры, разбившие в осколки
родную речь и собственный рассудок,
и девочки в сумасводящем блюзе,
и сеятели пыли во вселенной.....120
- Сегодня лупит плотная завеса,
не тихий лет снежинок - просто туча
как будто в небе развели шпатлевку.
И о... чередь моя дорожки
чистить.....123
- В подвале - изостудия, прекрасно -
Китайская гимнастика, общенье.
Но то, что при художнике ругались, меня
сразило намертво.....124
- В присутствии газетных ротозеев запущен
был бумажный самолетик, Который вдруг
спикировал к селянке! И все ошеломленно
замолчали.....131
- Я вытаращилась, в руках баранка,
а эта тютя сонная вешает,
Глаза прикрыв, свои смешные басни,
и наши все кругом оторопели.....132
- В углу бормотали пивные бочонки.
И в бешенстве я призывала к вниманию...
Юристовы щеки блеее бумаги,
очки золотые, дрожащие брови -
он больше прийти никогда не захочет....134
- Там проходили события в Пушкинском,
Съехались старой Европы писатели,
Речи гремели, фуршеты и праздники....137
- Иду я в стан врага, ужасный ветер. В том
здании, где мэр, толпа народу. Охранник
среди них - а был же в банке - что делает он
здесь, мне непонятно. Лицо его загадочно,
белесо. Ко мне подходит, словно заговор-
щик.....136
- И прежде чем говорить о старине и
новизне, о причастности
и маргинальности, о традициях и новаци-
ях... Давайте немного помолчим.....144
- Хоть рукопись в земле лежит, не
над ней парим. Наступит жажда,
вечного. Души
ошеломление.....147

АННОТАЦИЯ

«Рукописи горят!» - для тех, кому не нужны, они пропадают нечитанными. Авторы рукописей не выносят нищеты, общественного презрения, перестают писать, ненавидят, любят друг друга, спиваются, умирают, литературное наследие закапывают в землю в знак протеста. В поэме «Горящая рукопись» показано создание альманаха, включая уговоры ленивых, робких и отчаявшихся. Пока авторы создают «вещи века», проходит целая жизнь. Художник вплетается в действие, поскольку иллюстрирует тексты, главная героиня - составитель альманаха - сама несостоявшийся художник. В момент создания альманаха она начинает писать свою повесть про художника.

Одна линия (литературная) - альманах и зарождение повести. Вторая (личностная) - литературный круг, взаимоотношения между авторами, любовь. Третья (философская) - значение слова в жизни, его влияние на среду. Отдельные эпизоды поэмы посвящены семинарам и презентациям. Главки имеют подзаголовки, обозначающие источник и место действия - хроника выступлений, мысли, телефонные разговоры, работа над текстом, личные дневники, болтовня за чаем...

Герои - без имен, они условно обозначены по роду занятий или по особенности поведения.

Поэма написана белым стихом. Лексика: от высокого штиля до разговорного сленга. Есть попытка понять роль творчества в переломный момент между двумя столетиями (двадцатым и двадцать первым), когда материальные факторы стали приоритетными, «чистое» искусство обесценилось. Поэма проиллюстрирована уникальной графикой Надежды Черкасовой, изображающей кроков - существ, причастных к искусству. Ведь поэты и художники - люди одной фантастической породы, ископаемой, обреченной на вымирание, неистребимой.

«Горящая рукопись» - энциклопедия провинциального культурного сознания. В книге отражены выхваченные прямо из действительности идеи, мысли, чувства, в ней нет ничего придуманного или сочиненного.

Сергей Фаустов

ДЕСЯТАЯ КСЕРОКОПИЯ
(рефлексия)

Как день сиял! Сестра твоя с улыбкой
не слушала меня, и не вникала
в рецепты, а листала тихо вирши,
покамест повисали дыры пауз.

В то лето как обвалы - яблок горы,
на даче урожай неимоверный,
закончился весь сахар для варенья.

А ныне изобилье поиссякло:
разросшиеся кроны стали крышей
над маленькой землей, на грядках пусто,
трава и ветки небо заслонили,
затихло бушевание эмоций.

Спасали только хлопоты на кухне -
в тазах вскипали соки и компоты,
пока тонуло солнышко в закате -
повидлом солнце яблок застывало.

Тебя звала на яблоки приехать,
сварила б пару банок! Но губами
прикинув к банке пива - «мне? работать?» -
рассеянно журнал читала рваный,
(на даче многолетние завалы).

Ты любишь делать все непринужденно!

Неурожай на яблоки - к разлуке...

Лукавые приволжские ленивки,
княжны - в веснушках и в посадке шеи,
нельзя серьезно с вами, выйдешь душой.

Остроты бесконечны - ты смеялась
до колик в животе над чьей-то страстью,
но приходил тебе черед влюбиться -
ты почему -то без конца вздыхала
и шла ко мне отпраздновать забытость....

Ты гордо мне звонила: «Бибколлектор?
 Мускат мы любим розовый, французский,
 аперитив из клюквы слишком грубый,
 нужны лишь натуральные, с букетом...»
 Пойдет «Букет Молдавии»? Но веник
 советовала ты поставить в вазу...
 О, апогей любви в библиотеке,
 цитаты из Донца и Пастернака!
 Ты усмехалась тонко: да, была с ним,
 и это подтверждение потери,
 которую тогда лишь ощущаешь,
 когда сближенье ссылкой заменяют .
 Буквально на столе все стало ясно...
 Рабочий стол тактично исключая,
 мы прятаться пошли с тобой в подвалы,
 а там воняло кладбищем подшивок
 «Известий», «Правд», и «Севера» в придачу.
 Сесть было негде: ломаные стулья,
 да стеллажи, но чокнулись уютно.
 Воистину, остановись, мгновенье,
 лишь мир любить начнешь, как раздастся
 за окнами подвала вой сирены!
 Виновен бархат, следствие застолья.
 Не стыдно ль чудакам, столь энергично
 с автобуса сгружавшим неликвиды?..
 Открыть в подвал пудовые ворота
 приходит зам. директора! Узрела -
 что вместо неприятия рутины
 в культуре перевернутые сейфы,
 бальзам алтайский в кружках: «Не хотите?
 Букет достойный». - «Ноги в руки, быстро.
 Подумали б о завтрашней планерке,
 бюджеты отощали, население -
 в депрессии без пенсий...» - «Мы готовы
 жить тихо, незаметно... Исчезаем».

Издание газеты по искусству
 продумывала ты, в больнице лежа,
 доказывала мне, что все газеты
 здоровью бесконечный вред наносят.
 Эммануэлью нервы шекотала
 несчастным, что лежат на сохраненье.
 во избежанье стрессов и неврозов! -
 ведущим докторам на удивленье.
 А после операции «Плэйбоем»
 лечила пол-больницы увлеченно
 Все заживало неприлично быстро.

Пришла пора оплаты типографий,
 в которых я печатала поэтов,
 но денег просто не было. Проклятье,
 пришлось продать кольцо, и даже серьги,
 и бегать по ночным микрорайонам,
 расписки и заемы умножая.
 Слезами героический редактор,
 (себя я таковой вообразила),
 оплачивала светлую идею -
 идея без финансов быстро чахла!
 Ты для искусства вкладов не жалела:
 ни ветчины, ни водки, ни карманных
 у мужа в куртке найденных зачек!
 Отныне, приглашая жарить мясо,
 ты, номер набирая, нежно пела:
 «Начальник производства? К линотипу!»

А ставши безработной, приходила
 работать домработницей к тебе же.
 Ты звякала учтиво: «Психбольница?
 Прописаны ли вам сухие вина?»
 Белье опять не стираю, нет каши,
 и дома недостатков сколько хочешь,

полопались и стены, и ботинки,
и двойки в ранцах. У тебя младенец,
которого пришлось качать в коляске,
пеленки прогоняя на «малютке»,
картошку чистить к вечеру и утру...

Еще давала масло и ветчинку,
совсем уж баловством казались деньги...

Домой меня везли на иномарке.

Ты знала, что деньгами брать стыднее.

Когда сестрица с Волги приезжала,
то привозила свитера и куртки,
не годные ни вам, ни вашей маме,
что замуж вышла, полюбив кавказца.

Однажды ты плиту мне подарила,
недешева была, но ты в уплату
просила лишь капустки малосоленной.

Короче, выполняла роль комбеда.

В ответ на помощь злилась я: «Не пишешь!»

Не любишь, не работаешь над словом.

Ты знаешь, что пришла пора встряхнуться!

Пора уж выпускать нам толстый сборник!

Вопрос горячий! Медлить невозможно!

А что для нас первостепенно в жизни?» -

«ОНО, дружок, пытается НАС все время». -

«Так и писала б! Мысль давно готова!»

И нехотя плутовка признавалась,
что пишет будто повесть «ОИОНАСы»,
листов с десятков дома набросала...

Я тут же всем рассказывать! И снова
стирать пеленки, чтоб поклянчить тексты.

Ты тут же забывала обещанье,
отмахивалась, блузку примеряла.

Однажды на пирушке новогодней
кадрил твой муж молоденькую в брючках,
кадрили всех, а критик два костюма
надел, все ржали сильно, но одна я

тебя ругала, что «талант зарыла в землю».

Просили на пирушке новых баек.

О творчестве смешные разговоры
ужасны после первой сладкой рюмки,
хотелось обещать - ну что угодно...

Я мало ела куриц , выпивала -

в заботах о большой литературе.

Ну, как же я смешна, подумать только!

Деваться было некуда, ты грустно

глотала ароматные настойки,

рыдала вкусно, и платок посадский
пропах слезами вместе с «Амаретто».

Наутро я панически звонила,

искала примирения поспешно,

а ты лишь отмахнулась, юмористка -

с работы позвонив по телефону,

смеялась над вчерашним инцидентом -
мол, «пьяные поллюции» случились.

Похмелье ужасало, ведь держалась

на том лишь репутация шутницы,

что требовали массы повторенья

пародий, сочиненных на пирушке:

«А это как, а это?» - «Ах, увольте!

На творчестве чужом я процветаю,

И моего ни капли нет!» Отбилась.

Потомки это вычислят, наверно.

Ты как Довлатов, если бы писала -
(признайся, он любимый твой писатель) -

как яблоко от яблони... Слагала

порядочно пародий на подругу -

меня узнали только по дразнилкам!

При этом ты фальшиво опускала

сияющие глазки: «Я вторична,

десятой ксерокопии подобна.

Но копия ценней оригинала.
 В дуэте мы друг друга оттеняли -
 один короткий, толстый растеряха,
 другой длиннобудылый, умный ерник.
 Отстреливаясь по-великосветски
 на вечерах врагами представляли,
 особенно в тот раз, когда давали
 нам зал переговорной прямо в центре.
 Сидел там финский автор как предтеча!
 Ты крикнула, что это партсобранье
 пора прикрыть, пока еще не поздно
 а то приснятся синие личины
 на фоне краснознаменного плюша.
 Все поняли - естественно, богема...
 Богеме все прощается, все можно.
 И снова телефон очередями -
 «Приемная родилки для талантов?
 Склады утилизации нетленок?»

Еловинского автора страданья
 ты принимала близко к сердцу - все же
 на кладбище приехать не хотела.
 На пышных торжествах трясла кудрями -
 «О чем мне говорить? Как с ним под праздник
 Однажды целовалась я в сугробе?»
 Умалчивая, впрочем о деталях -
 что первая его публиковала...

Ты первая нашла ту героиню,
 с которой что ни день, то все проблемы,
 то муж уйдет на пятую работу,
 то сапоги достанутся не в пару,
 то дача недостроенная рухнет,
 то злобная начальница ликует.
 Ах, Сомова на славу получилась,
 Неудивительно, что тот союз захаял -

народная, смешная, все вприпрыжку
 “по бездорожью шла автопробегом”.
 Когда же выйдет полностью вся книга -
 об этом сокрушаться можно долго,
 поскольку нет в шутнице чувства долга.
 Лень-матушка сгубила все идеи
 покрылись пылью лавровые ветки,
 от жажды осенить тебя достойно.

Когда ты выходила на подмостки,
 все падали от смеха и рыдали.
 Смущаясь, ты дежурно бормотала -
 «смотрите на меня, друзья, смотрите» -
 и вечер был спасен. Спеша, мужчины
 считали честью шелкнуть зажигалкой.
 Сушились тихо лифчики в прихожей
 как фон для лучезарнейшей улыбки,
 есть фото, подтверждающее это,
 оставлено на память для потомков.

Ты скажешь - что за бред сивой кобылы?
 Но если я просила помириться,
 в ответ высокомерно: «не ругались».
 Мы не ругались, ссорило - Оно же,
 которое нас - то и дело, всяко...

Ты позвонила мне и рассказала,
 как били благоверного об стену.
 А если вдруг колотят человека,
 что пил со мною десять лет на даче,
 и лекции читал про мудрость джина
 (поэтому влюбилась я в джин-тоник),
 и курицу на вертеле зажарив,
 мы выходили бродом через речку

пугать литературно одаренных,
а сами просто пьяные и в плавках...

Ты говорила - за долги досталось,
и я, конечно, бросилась на помощь...
Пропали деньги. Кончились остроты.
Судачить надо мной устали. Вертят
у своего виска прозрачно пальцем,
но мне-то каково, не разбираюсь,
не спрашиваю - "надо?" - просто «нате!»
Я как дрезина мчу узкоколейкой,
и верю, что в коммуне остановка,
за то, что был порыв, - уж наказали,
но мне и это не пошло в науку.

Как хорошо проснуться, позвонить бы,
услышать: "Ты зачем опять смешала
и пиво, и коньяк? Я понимаю,
что «Балтика» в фаворе, да, но портер!
Его же любят только проститутки!"
И смаковала б пиво в рассужденьи
о "Яме" Куприна, об эротизме,
о классике, усвоенной с рожденья...
Твой телефон невольно набираю
звоня десяткам и чужих, и лишних,
и тут же трубку брошу, как услышу:
"Приемная писательских союзов..."

ВЧЕРА - СЕГОДНЯ - ЗАВТРА
(воскресное чаепитие)

Никак не спится! Пятнышко на стенке
от вбитого насквозь гвоздя большого
как блик игрушки, лазерной указки.
Намек на то, что нет давно ремонта?
Храпенье многих спящих всей квартиры
не заглушало треска раскладушки
поставленной для гостьи издалека,
которая ворочалась полночи.
А мне с дивана ничего не видно,
зеленый электрический будильник
ломает цифры, черточки мелькают,
потом стоят в глазах, куда ни глянешь.
Ну, что ты так вздыхаешь обреченно?
Бессонница, наверно, одолела?
Давно не спишь, не стоит притворяться.
Второй уж раз, наверно, это слышу.
Эге, да ты в слезах опять, А ну-ка...
Придется разбираться. Лучше встанем.
Идем на кухню, скоро рассветает,
и утро близко. Мы поставим чайник.
С душицей чай, да с коркой мандарина
заварим позабористой... О чем ты?
Не думала, что будешь втихомолку
сомненьями давиться. Ты мыслитель,
который не обязан извиняться,
что думать на него нашла охота.
Ну, значит, сей визит с хребтов уральских
тобою был обдуман не однажды.
И ты сейчас, растратив столько денег,
решила вдруг, что не договоримся.
Но тут во мне ли дело? А природа -

хорошая. Дешевую квартиру
купить вполне возможно, если только
на прежнем месте у тебя все купят.
Вот пальма, посмотри, уже на месте.

Потом перевезешь и все другое.

Сначала поживете у селянки,
она не против вашего общенья.

Она тебя, поверь, давно уж знает,
заочно только, в рукописи, в книге.

А то, что у тебя характер сложный,
так это никого и не пугает.

Мне общечеловеческая ценность
дороже неоправданных амбиций.

Смотри, рассвет сиреневого тона,
чуть синий с бледно-розовым, а ваши?..

Что значит "нету неба"? Понимаю,
что трубы заводские, много дыма.

Ты плачешь не от дыма, сознавайся,
не в этом настоящая причина.

Ты покидаешь обжитое место,
поскольку не сбылись опять надежды
на дружбу и людей. О да, квартиры
не могут защитить от лютой стужи,
навешанной не вьюгой и морозом,
а лютым одиночеством, тоскою.

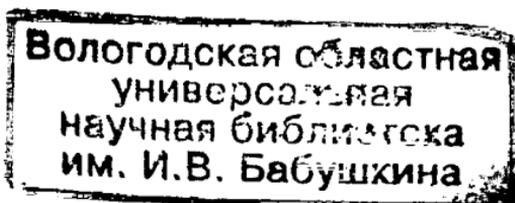
Пожалуй, что не худо б выпить чаю.

Унылые зануды мы, не смешно ли
под утро размышляя о великом,
смягчать серьезность выводов слезами.

Ну, полно плакать, вдовушка, я знала,
что у тебя погиб однажды кто-то,

С тех пор ты прекратила все попытки.

Так выпьем же за то, что в этом свете
никто на свете не достоин чести
утешить нас и нами быть утешен.

1380588

Сейчас я для тебя поставлю пленку,
которую в бассейне подарили, -
там звон воды, и щебетанье птицы,
жужжанье пчел, ручей закатной флейты -
неясные мелодии взлетают.

Не ты ли мне однажды написала,
что любишь рисовать под звуки флейты?

Иль вообще под музыку? Я тоже
люблю под эту музыку работать,
чтоб очень сильно и не отвлекала,
и чтоб чудесный фон баякал незаметно.

Сегодня будет поезд. Собирайся.
Пустяшные дела - расклады наши.

Я раскладушку отнесу соседям,
позднее на вокзал с тобой поедем.

К сомнениям отныне нет возврата.

Считаю я, что страх вчерашней смуты
сегодня не такой уж непосильный.

А завтра ты решишь, что можно ехать
сюда совсем, да обживать пространство.

И матери в среде не задыхаться
в задымленной и радиоактивной,
достаточно мучительных метаний,
и совесть перестанет душу мучить,
и будет в альманахе чудо- автор,
и жанры структурировать полегче.

Для имени появится спасенье
не быть забытым в глубине архивной,
у злата рукописных руд возникнет
огонь реальный - гул волнений в сердце.

И оправданье для существованья
появится само собой - признание...

БЕГ НА МЕСТЕ-1
(ночной звонок)

Ты бежал вдоль насыпи по пеклу,
жарился на сковородке скуки,
били и по ребрам, и по почкам -
муки претерпел в долине ада,
кажется, познал всю грязь и злобу.
Слезы прожигали кожу, щеки,
плавили насквозь, слепили веки,
и тогда убил ты человека,
как бы человека - может, зверя.
Только на земле не стало чище,
сердце обезумело от боли,
нарывало молча и подземно.
Ты пошел охранником работать,
чтобы уберечь чужие деньги,
каторжником стал при чем-то злате -
силу повенчал и справедливость...
Что теперь ты воешь диким зверем?

Я не знаю, чем тебя утешить.
Водка, говоришь, и честь и совесть,
красота и даже радость жизни,
только этот рай другим неведом,
если очень хочешь быть понятным,
проще выразишься и доступней.
Например, словами, а не криком.
Может быть, Лимонова влиянье?
То язык оружия, угрозы,
нечленораздельный, первобытный,
и смертельный рев слепых ранений,
и невнятный крик под скрип кровати.

А когда ты лучшего лишился,
 только книги были утешеньем,
 только там забыться удавалось,
 только так теперь ты выжить можешь.
 Кто тебе сказал, что бедный предок,
 столько человек перестрелявший,
 может в новом облике вернуться?
 Ты лишь за себя ответить можешь,
 ты не должен призрака бояться,
 несмотря на ранние болезни,
 про себя ты догадаться должен -
 лично я догадываюсь - сильный!
 Бог - конечно. Исповедь - наверно.
 Только это быстро не закажешь,
 надо ждать, когда душа созреет.
 Бог не виноват, не надо Бога
 дергать за небесную одежду...

Да, ты написал с десятков текстов,
 в них неукротимое страданье,
 правда жизни! Грустные герои
 стадо стерегут у Киферона,
 хату продают у нас в глубинке.
 Понимаешь, разные рассказы -
 стеклышки рассыпанной картины.
 Надо написать единой книгой...
 Ты же говорил, что мучат мысли
 про судьбу глухого человека,
 в коем был убийца не разгадан...
 Проследить, откуда преступленье
 где исток зловещий - очень важно...
 Нет, ты правда, редкостно способный,
 но не останавливайся сразу,
 главного пока ты не освоил,
 ведь не надо бездны и вселенной,
 коль в себе самом открытий бездна.

Только бы теперь не поддаваться
спеси неоправданной, гордыне.
Если наберем рассказов десять,
ты поедешь осенью на конкурс,
будет там общение такое,
что еще на десять книжек хватит.

Нет, определенно ты напился.
Может, разговор закончим завтра?
Трумен Капоте, Уинстан Оден,
Кундера и Вулф - я их не знаю -
что тебя ни спросишь - все читал ты,
неизвестных нет тебе, наверно.

Нет, я ничего не понимаю...
Ты сейчас от темы убегаешь,
только к ней вернешься неизбежно,
никакая водка не поможет.
В репликах твоих цинизм и хамство...
Ты прости, часы мигают полночь,
Целый год мы прожили напрасно...

ВЕЩИ ВЕКА (письмо наверх)

Кончина века - и закаты века.
 И все лелеют мысль о вещи века.
 Да и века назад о том мечтали,
 а написав, покорно уходили.
 И не они, а уж совсем другие
 спустя века опять пытались.
 И понимали: все неуловимо,
 все удавалось лишь тому, кто умер.
 О, Боже мой! Но как же воплотится
 нелепая мечта и в чем забвенье?
 Я знаю - точно есть, и существует,
 что где-то здесь она, углами скрыта,
 в захлавленном быту ее не видно.
 О, извините за бесцеремонность,
 ведь вы - вышестоящая структура.
 И беспокойство сердца тут излишне.
 На конкурсе, в круговороте спора
 мы были так захвачены работой,
 что личное, привычно не успелось.
 Горячая досада сушит горло,
 когда представляю - вы, божок восточный,
 с глазами немо узкими (не спавши),
 как неподвижно, пристально и цепко
 следили за неразберихой спора,
 вылавливали суть как на рентгене.
 Стихов я прочитала километры, -
 обычно бормочу я в оправданье, -
 но здесь машинка что-то засбоила.
 Как будто просекалось моментально,
 но все ж противоречия мешали.
 от жестких социальных вариаций
 до шуток властной рыжекудрой нимфы -
 не поле, а поля стихов и прозы,
 сумели вы легко разбить на клетки

и показать, где что произрастает.
 Таков талант пронзительности. Зависть,
 немыслимая зависть самоучки,
 пригляд которой нужен двум десяткам.
 У вас их сотни сотен, понимаю.

Я там шумела, чтобы не смешалась
 с табачным сором истинная ценность.
 Зачем и ехать? Чтобы убедиться,
 что есть вдали похожие проблемы.
 Найти слова, чужого не отринув!
 Ни шокинги, ни шутки одаренных
 ни грамоты, ни гордость, ни уколы
 не могут жажду знаний уничтожить.

Спросить про вас - ни слова не успела.
 Простите за охранника, он выпал
 из нормы отвратительно и тупо.
 И критики как будто оценили,
 а он, напившись, слова не промолвил,
 он выбирал - любить или резать.
 У каждого свой уровень проблемы!

Должна быть в вещи века тайна страсти.
 На фоне умиранья и заката
 одно спасти нас может, как когда-то.
 Вторичное и вялое искусство
 уже на ладан дышит, все изведав.
 С нежизнью только жизнь одна поспорит!
 Не смеркнется она одна, не гаснет.
 Всегда сладка любовь. И вечно мало
 того, что мило... Образы избиты,
 Но людям никогда любить не скучно,
 как ни твердим, что было-перебыло.
 Пророки любят сеять пыль вселенной,
 и любят проклинать приметы века,

убившего желанных и желанье.
 Как высоки они в своей печали,
 как подавляют всяческие токи,
 ведущие упрямо к тяготенью,
 к теплу – но нет, им надо все отвергнуть,
 и все проклясть. Хотя бы понимали,
 что не избыть земных мучений смерти,
 и страха перед ней. Пусть ветры дуют.
 Хотя бы век недолгий, небом данный,
 прожить с огнем и страстию. Примеры?

Страстей фонтан, движение энергий –
 вот это благодарность жизни, лучше
 любых других возможных проявлений...
 Ни для кого не новость, что пылает
 страстями половина из живущих,
 вторая, отгоревши, почитает
 те страсти пережитком, а законом -
 бесстрашную бесстрастность. Непонятно -
 куда девались чувства, что вовеки
 от зверя человека отличали?
 Воспевшие любовь! Вас растоптали,
 а тем, кто робко кружева пристрастий
 плетет, сурово их велят их отринуть
 и страстно проповедают бесстрастность!

Вы в молодости чувствовали так же.
 Шамара ваша - это вызов страсти,
 бессмысленной, из русла выходящей,
 не согнутой ни штампами, ни волей,
 Из той степи, откуда и сайгаки,
 охота на сайгаков – крик печали,
 история, понятная любому,
 протекший ток по сердцу и по коже.
 А дальше о сенсации журнальной:
 от «Дурочки» удар я получила,

удар упругий в грудь и синий пепел.
 И тяжело в затылке, как похмелье.
 А сердце все сжимается, не хочет.
 Бойтся почему-то, неизвестно.
 А говорят, что только самый первый
 сердечный стук - единственная правда!

Мучение, мучительство и муки
 обрушились на нас по вашей воле.
 Ее на части рвут, не защититься,
 бег от собак, шипы дырявят кожу,
 изодранное тело пало в воду...
 Которая не радость, но ожогом
 вода - как кислота - меня добила.
 И соли черезчур, и даже боли,
 Увы, порог сочувствия отброшен.
 И не один солдат, а целым взводом
 насилуют безумную девчонку,
 которая лишь плоти жалкой горстка.
 Но только я не камень, не железо.
 Должно бы подсказать смущенье сердца
 сочувствие и веру героине...
 Состарилась душа от этих пыток.
 Неписанный закон драматургии
 о человеке в страшном положении!
 А Ганна, что от пыток умирала?
 От пыток умирают даже звери,
 с которыми ее почти сравнивали.
 Библейская страдальца безумна.
 Нет у нее ума, а есть душа ли?
 Она же без ума не существует!
 Все это заплелось ужасно плотно,
 неразделимо. Люди разделяют,
 которых гложут вечные сомненья.
 Мол, нет ума, но есть другое что-то.

Да ничего она не чувствует, не умеет.
 Она сама ничто, лишь показатель,
 термометр человечности - абстрактно.
 И судя по всему, народом русским
 и жалость позабыта. Да, Харыта,
 ну, Канарекины. Все остальные звери.
 А почему юродивых любили?
 Кормили нескончаемых уродов,
 давали кров, питье и одеяла...
 А Ганну просто вышвырнули, пнули...
 Юродивые в муке добровольны,
 она же поневоле так скиталась...

Не смею дальше врать - для вещи века
 такая повесть слишком уж жестока.
 Ну, если не считать - охранник банка,
 который не признал явление это -
 «не относись серьезно к постмодерну».
 Не откровений ждать, а отвернуться
 хотела б я от злой химеры века.

Безумие как форма для смятения -
 Полеты над гнездом кукушки страшны.
 Развертывать метафоры нетрудно,
 когда и так все вверх ногами встало.
 Светило, побеждающее ночи,
 встает из-за ограды психбольницы,
 а я опять свое - побойтесь Бога,
 я защищаю то, что не безумно.
 Я бурями живу, а не рассудком,
 но жажду той гармонии вселенной,
 которая опять в одном сосуде
 едино сплавит разум вместе с чувством.
 Хотелось бы не падать в эту пропасть,
 и начинать с того, чтоб реже падать.

Наверно, вы почти что догадались.
 Я вам пошло не просто личный отзыв,
 я соберу вам альманах обширный,
 Не одинокий голос – хор поэтов,
 прозаиков, художников и бардов
 ответит вам своею вещью века.

У каждого внутри таится пекло.

Ведь то и дело медленно всплывают
 к поверхности литературной жизни
 явления, не ставшие искусством.

О них узнает только окруженье.

Всплывают гениальнейшие рыбы,
 затем на дно ложатся, мертвой тиной
 забвения навеки покрываясь.

А до журнала плыть им лесом, речкой,
 пока плоты не встанут дыбом, не утонут.

Их некому раскручивать, ни сами
 не смогут, ни забитый литсотрудник
 (такой, как я), - нехватка лиагентов
 поистине разительна в России.

Хочу сказать не то и не об этом.

Не распечатать, не публиковаться,
 ПРИДУМАТЬ вещи века - вот задача.

А как поставить, - на какое пламя, -
 котел и что бросать, да чтоб кипело
 и получилось, наконец, что надо?! Люди,

Терешечкой я буду упираться,
 сопротивляться перед зевом печки,
 соединять по-своему разломы,
 не так, как вы, а как сама сумею.

Стать против смерти жизнью. А настигнет -
 перекреститься. Чтоб там не кричали,
 они в архивах есть, все вещи века....

Прошу прощенья - таковы догадки...
Кончина века - и закаты века.
И все лелеют мысль о вещи века.
Да и века назад еще мечтали,
а написав, покорно уходили.
Потом совсем другие, так же маясь,
спустя века писали вещи века.
И понимали правду - вещи века
напишет только тот, кто канет в Лету,
Боже мой...

ПОД ПАЛЬМОЙ
(звонок в центр)

Простите, мне директора. Зачем же?
 Курирует - ему и карты в руки.
 Алло, директор? Снова на планерке?
 Стабильно два часа, подумать только.
 Период становления очень важен,
 Но не важнее тех, кто к вам приходит.
 Да, я прошусь в помощники. Ну что вы.
 Мне легче вновь налаживать работу,
 Со мною клуб поэтов к вам приходит.
 Мы можем вам на встречах пригодиться:
 поэты сочиняют дифирамбы,
 а музыканты песни под гитары.
 На выставке они полезны будут.
 Художников узнать, да с подготовкой,
 полезно мне, а местных просто знаю.
 Но нужно нам такое помещенье,
 Чтоб три часа совсем никто не трогал.
 В фойе - там вечно музыка играет,
 строители таскают плитку в залу,
 где строится колонна Белый Лотос.
 А мы б сосредоточиться хотели,
 понять, что в текстах есть, и обменяться
 различными воззрениями на вещи.
 Хотите привлекать детей и школы?
 Тут конкурсы любые пригодятся,
 ведь в детях начинается искусство
 и властно, и всегда неординарно.
 Я график всех занятий записала,
 по выставке звонить начну сегодня,
 а группы и экскурсии разделим.
 Хочу добавить, что предубеждений
 я слышала о центре очень много,
 что секты где-то действуют подпольно.
 А что, и кришнаитам отказали?
 Наверное, жестоко это было.
 У них такие лакомства, одежды,

Красивые, в злаченых переплетах
 Большие книги, яркие буклеты,
 Поют они лирично «хари рама»...
 Откуда знаю? - Был один знакомый
 Среди них, эзотерический художник.
 Живых абстракций добрых три десятка
 объединил на выставке однажды.

Туда же пригласил поэтов, дети
 пропели хором “Господа хвалите”,
 ансамбль скрипачей и пианистов,
 и я была с гитарой... Вы там были!
 Не помните? Довольно любопытно
 Прошло все это. Разыграли сценку
 довольно навороченную... К сути
 я подхожу - к столам для новых русских,
 которые стояли в Белом зале.

Икра в розетках, дорогие вина,
 пирожные - суфле и “рафаэлло”,
 вся роскошь для того, чтоб обратилось
 вниманье толстосумов на таланты.
 А мне сей шаг циничен показался.
 Мероприятие - зачем так много денег
 потратить надо было, чтоб в газетах
 по три-четыре строчки появилось?..

Я лучше бы художникам подарки
 пусть бедные, но организовала,
 пускай бы подарили им бумагу
 роскошную для угля, акварели,
 багеты или рейку, даже краски
 им были б кстати, не вино рекою...
 ...Ну хорошо, у вас другое мнение,
 так значит и меня вы вспоминали,
 и в деле увидали. Значит, пальмы
 достойно осенять отныне будут
 работу и полезное общенье.

ПРОХОДИ, ПРОХОДИМЕЦ (культмассовый сектор)

Проходите, молодой человек, вот тут мы и собираемся.

Ну, я и мои друзья... Надеюсь, мы с вами тоже подружимся... Видите, у нас есть настольная издательская система для молодых поэтов, вот тут кресла, где они читают свои вирши, пальмы, под которыми рождаются новые творческие замыслы, а вот выставка эзотерики, души-птицы... Выставка «Звезда самиздата», многие вещи, правда, никогда не издавались. Рекс Станут на машинке, биографии «Битлз» самодельные, Рок-сцена, коллекция самодельных изданий Ричарда Баха, вот его символ - чайка, богослужение отца Меня, московский поэт Закуренко, переводчик Василя Стуса, приезжал он сюда, вот он самиздатский. А вот он уже из московской типографии... Кое-кто возникло здесь впервые, а потом стало явлением, так-то. А вот наш друг, уехавший в Суоми... Он до сих пор присылает нам картриджи для принтера, это целое состояние. Но он не хочет больше писать, потому что там это никому не нужно. Вовремя заработать, вовремя заплатить налоги, купить машину, а прочее долой. Писал он только здесь, когда был юный, сумасшедший... А здесь вот - наши местные издания. Некоторые вещи никогда и нигде больше не появились, кроме как в самиздате - вот знаменитая «Маска», вот «Искупление греха»... Всех знаете, да? Да и вас я тоже где-то видела... Стойте! Не вы тогда на вечере у «Кентавров» напились и начали?.. Не вы? Смотрите... Нет, я знаю вас, точно. Это вы были, не отпирайтесь. Нет, я не стану я драться с вами в таком эзотерическом месте. Да ладно, это давно было. Вы ведь поэт? Верно. Знали еловинского автора? У нас в этом году будут чтения у него на родине. Вспомнили? Как это - «он был с нами»? А я не знала об этой странице его биографии. Разговор было! Вы осмелились поколебать писательскую монополию, это была неслыханная смелость по тем временам. Скандал с регистрацией, слышала, да. А почему вас не регистрировали? Ах да, «у нас может быть только один союз», это мы в курсе.

Говорили - исчезли деньги. Так неужели все взносы пропили? Ну извини, ну хватит же, останься. Знаешь, я пытаюсь делать то же самое. Меня ведь приняли в прошлом году на совещании и я секретарь нового союза.

Куда же ты исчез после той истории? Где был все это время? Я нашла твою книжку, читала, она хорошая, добротная, только зачем столько церквей? Думаешь - церковь нарисовал - и все, тема вне конкуренции... И у тебя еще четыреста страниц не опубликовано? Жалко.

Ну ладно, хоть не потерял стихи, а то бы не вернуть. Ничего, давай сюда, я посмотрю и отберу на книгу. Ну и что, что не на что. Пусть в макете полежит... Лучше тут, чем у приятеля в туалете.

Ты какой-то обветренный, волосы повыгорели, весь как из тайги. Джеклондоновский типаж. Со дна? Какого дна? Ах, с горьковского. Плщи такие носили лет десять назад... Да нет, это совсем неважно. Тебя жизнь-то как исхлестала, видно, что побродяжил вдосталь. Пьешь?.. Ну извини, я просто так. Вчера пришли твои бывшие друзья - я спустила их с крыльца. Один сто рублей забрал из реставрационного фонда, кассирше конец. Конечно, упали. Но пусть лучше лежат в луже, быстрее проснутся. Чем сидят-сидят в креслах, и просят - дайте «Мент поганый» Набокова. И никакой милицией их не прошибить.

Да нет, я не вышибалой работаю. И не полицией нравов. Просто невыносимо, пойми, к ним как к людям, а они рыгнут на тебя, и вся поэзия. Ну, пожалуйста. Что ты так замолчал? Ну, успокойся, куда ты смотришь... Хочешь, - у меня есть пиво. Покрепче нет. Так, значит, ты мотался по Руси. Что в Дубне делал? Ах, родился. Даже дом есть. Как это - мать умерла? И когда узнал? Ой, господи. Матери всегда о нас думают, что мы у них самые лучшие, а мы даже не успеваем на их похороны приехать. Ну, тут нет утешения и никогда не будет.

Теперь слушай. Ты очень талантливый. Умеешь писать вещи, которые рвут душу. Философию глубочайшей глубинки. Почему же ты тогда такой неприбранный? У тебя хоть есть женщина? Да ладно, без цинизма. Просто если я принесу домой чужую рубаху стирать, не так посмотрят, не поймут. Ах, женщина не для этого. Скорее согласна, чем нет. Да почему не верю, верю я всему!

А я смотрю, смотрю - ничего себе, тайны мадридского двора районного масштаба! Так это все ты писал, это твой псевдоним? Не могу представить. Ты же мог стать героем, ну, не героем, это повидлю, а персоной

номер один в нашей прессе. Эти репортажи с пожни, да из недр судебной системы - это яростное явление. Не хуже знаменитых сериалов про лес, воду, хлеб. Твои истории не такие громкие, зато чего в них нет, так это снобизма.

Кое-что я понимаю в этом, сама писала, знаю, как тяжело проблему вскрыть. Бьешься-бьешься иной раз, а только дойдешь до сути, сам же заинтересованный тебе рот и затыкает. Ну, тебе не заткнешь, а редакторам наверняка уж кисло приходилось - после твоей плюхи их названивать и доказывать резоны, отмазывать тебя, себя, газету... Потому что ты создал такой срез, такое капище рудиментов, это даже не «Кому на Руси жить хорошо», а правда, которая глаза колет, плюс еще и послесловие! Как только тебе лауреата не дали...

Разумеется, ты поругался. И они стерли из архивов все твои файлы. Рвался на части столько лет, быстрее, жестче, через щетину и безысходность, через усталость и голод - в полет, в полет. И ничего нет, все бесследно.

Преступление какое-то. Да нет, я понимаю, что не все потеряно, наверное, не все. Пусть хоть стихи, тоже эпическое полотно... Но у тебя на эти репортажи полжизни ушло, и комок таланта на них растрачен, как растрачены в вагоне-ресторане командировочные. Ну, может они где-то и есть, в подкорке, но такие файлы я не умею открывать...

О чем ты говоришь! Не буду я тебе рассказывать, кого да как в союз принимала. Всякое бывало. Иного зовешь - он к предшествующему поколению уходит, молодой да к старым. Иной просто так презирает, никуда не идет. Иного примешь, он писать вообще перестает. А принимать надо таких, как ты, потому что в тебе художественное мышление работает параллельно с социальным, такой ты резонатор, это ужас.

Но ты приходишь раз в пять лет, и когда ты придешь снова, меня уже не будет здесь, разлюбила меня система. Смотри, вон на стенде фото - директор обнимает меня, я носом уткнулась в цветы, это в последний раз. Презентации, выставки, рождения талантов - хана всему этому. И ты раз в вечность

оторвешься ото дна, придешь, а тут «кино не будет, кинщик заболел». Так же и другие, по два года ходят, ищут, а явки закрываются одна за другой.

Да и как тебя примешь, какой ты соратник, если тебя найти нигде нельзя! «Он занят, он на дне!» Позвоните на дно, пожалуйста! Неужели правда все это с тобой было - свалки, кабель, ворюги, бомжи, котлеты из собак? Такое не придумать, только если уж нырнуть с головой в эту тину, глубоко, чтоб скрыло. А потом вынырнуть, если получится, - и описать? Ты такой молодой, а с виду - старше меня. Хотя там, наверно, нет возрастов, там только два - живой или мертвый. Слышишь меня? Ты глянь на себя, ты сидишь предо мной среди пальм в заблеванном пиджаке, как в панцире доисторическом. Ты, горьковское дно, землистое лицо, свинцовые подглазья, асфальтовые волосы, усы... Ведь ты красивый от природы, глаза пронзительные, шпионские, вырос в Дубне, там такой уровень интеллекта, ведь ничто не бесследно, умник ты. Неужели такая цена твоему таланту?

Не замолчу. Я дрезина, меня разогнали. Не остановлюсь, пока не взорвут. Какая еще пьеса? Это твоя пьеса в синей папке три года лежит? Но ты не мог мне обещать тридцатник за каждое действие, ведь я тебя впервые вижу, это, значит, кто-то другой принес. Хорошо, давай посмотрю, хотя я не люблю эти смутные времена, этих князей и бояр, эти хороводы юридические! У нас самих дурдом, а мы еще к боярам лезем. Ну, если аналогии, тогда ладно... Тоже пять действий. Да я знаю пьесу, и знаю, кто мне ее приносил, это был не ты... Ах, по просьбе. Ты, значит, тоже думал, что я Мишкина вдова, что с меня взять, как с того критика, который описывает всю жизнь одного-единственного поэта. Да нет, Еловино — это, конечно, мое, но я не ослепла с тех пор, не оглохла.

Я не плачу, с чего ты взял. Я постараюсь войти в рамки, потому что все ушли с работы, одни мы тут с тобой орем в оазисе культуры, и я опаздываю в кино, которое никак, никак нельзя пропускать. Сегодня я не буду в пьесу вникать, поэтому сейчас иди спокойно на свое дно и по дороге за углом продай меня кому-ни будь, не бойся. Ведь я знаю, жить-то на что.

К тому же ты мне ведь не сват, не брат, а проходимец, настоящий русский проходимец, прости господи, от слова проходить, то есть идти мимо.

Но я теперь забудусь от печали и усну, и хорошо бы сном-то ледаргическим, не вечным. А потом я очнусь резким прохладным утром, сяду за компьютер и вникну в твою пьесу. Конечно, я не ведаю, как дальше, я не есть вселенское добро, как Мать Тереза, и не вселенская любовь, как принцесса Ди, но все равно, и у меня бывают праздничные минуты. Пока я буду сочувствовать и колотить по клавишам, пройдет месяца два, я напечатаю, наконец, твою проклятую пьесу, не напечатав за то время ничего своего, альманах в это время будет лежать, ждать, но совесть будет чиста. И ты вернешься, поднимешься со дна и устроишься, наконец, на работу в контору. И найдешь меня не здесь, так дома, оттуда не выгонят. Ты придешь ко мне в хорошем двубортном костюме, в галстукке, да не скалься, не в пионерском, а как бизнесмены ходят, под цвет иномарки, понял? - в галстукке, умытый, насмешливый. С тебя вообще сойдет весь мусор и ты будешь настоящий. Не плачу я, с чего ты взял, это у меня глаза так просто, мокрые. Ты, конечно, забудешь мой код на подъездной двери и будешь стоять на углу и курить дорогие сигареты, не скалься, зубы прежде вставь, великий плакальщик, Гомер всея Руси.

И придешь ко мне, и мы солидно будем кофе пить, творческими планами делиться, ты спросишь - а что ты написала? - а я покажу, не думай, подготовлюсь. Не представляешь, какое бывает желание свое пообсуждать. Ты все говоришь, лучше классики ничего нет, а ты и не читал, ты не знаешь, какая интересная теперь новая проза. Ты хоть слышал про эту «Дурочку», о которой у нас все говорят?

Ах да, на дне говорят о другом...

Ты деньги мне отдашь за пьесу, а я их отнесу в типографию, а книгу потом отдам знакомому режиссеру, и он мне скажет - ух ты, мать твою. Интересно. Пять действий, полсотни действующих лиц. Уменьшим до двадцати?

И заявим на будущий фестиваль исторических пьес, понял, как хорошо? Иди же!

САМОУЧИТЕЛЬ ПО РИСУНКУ
(реплика у костра)

Когда во мне металась жажда слова,
 я не могла с ней справиться и злилась,
 к себе была строго бесповоротно
 читательница трепаных романов.
 Однажды на вокзале стала жертвой
 Банального и наглого обмана –
 Цыганка предсказала мне такое,
 Что я в слезах растерянно застыла.
 Сказала, - чем добрее, тем несчастней
 Я буду, и ни денег, ни успеха
 Мне ждать не стоит. Только безответной
 Любви напиток суждено отведать.
 Была как раз я в самой передрыге,
 перед любовью страшно унижалась...
 И ручку я цыганке золотила,
 Как будто что замаливала... Глупо.
 В тупом оценении все деньги
 Ей подала, забыв купить билеты.
 Она меня жалела! Так печально
 Сияла золотистыми очами,
 Так нежно, тонко звякало монисто
 На смуглой шейке. мех, обнявший плечи,
 Не скрыл груди, в цветастом крепдешине
 Летучих ручек. Снег летел на косы,
 Которые от ветра расплетались.
 Ей было лет шестнадцать. Что за чудо.
 Судьба мне посылала утешенье,
 Смягчая приговор. Забудь попробуй!
 Мои с вокзала адские рыдания
 От этой красоты не отвлекали,
 Я денег заняла вторично. Вскоре
 Я всех подруг замучила рассказом.
 И всех потом позировать просила.
 Вот странно - если я момент ловила,
 Когда лицо внезапно хорошело –
 Мне удавалось сходство неизменно.

Я стала рисовать вахтеров, бабок,
 Вроставших в землю, спя на солнцепеке,
 Упившихся рабочих в день получки,
 На пляже, в бане торсы изучала,
 Пока однажды тихий участковый
 Вдруг не пришел. Он штрафом погрозился
 За нарушение правил поведенья.

Рисунки я отправила на конкурс,
 и приняли меня в Москве заочно
 в какой-то институт любви к искусству.
 В ответ на пачкотню мне шли советы,
 Как тени класть, как свет, как важен ракурс.
 За обучение я платила деньги,
 Которых, как обычно, не хватало.
 Учебники, палитра, ящик красок –
 Провинцию все это восхищало.
 Но надо было следовать программе,
 Где кроме лиц стояли натюрморты,
 А это мне оказывалось скучно.
 Полгода проходило в уговорах,
 И все-таки я бросила учебу,
 в которой не хватило мне терпенья.
 С тех пор на лица я смотрела жадно,
 и чувствовала – вот, сейчас! Красиво –
 и тотчас все получится похоже,
 коль карандаш возникнет ниоткуда.
 Оттуда же потом явилась ручка,
 которая словами заменила
 слепое до молитвы восхищенье.
 Всегда я рисовала – что любила.
 Всегда любила – потому писала.
 Читая тексты, видела движенье,
 за каждым жестом - пластику и танец.
 Я сильно иллюстраторов достала,
 Свой вариант рисунков объясняя.
 Картины я описывала слогом,

который был смешон, высокопарен:
Художники казались существами,
приподнятыми над словесным жанром.

Такая академия рисунка
саму меня, пожалуй, объясняла,
хотя со стороны порой казалось,
что я не за свое хватаюсь дело.
Одну из книг оформила своими
рисунками – из давешних, из ранних.
Но больше это делать не хотела,
с тех пор, как утонченная соседка,
учителка художественной школы
мне образы придумала такие,
которых не существовало в тексте.
Так вот разгадка – не идя за текстом,
а новые слои ему сообщая,
создать иной объем произведений...
Мои герои стали многомерны.

ОТ ДАРА
(звонок в издательство)

Алло, алло, издательство? Простите, «Аника-воин», верно я попала?
У вас работал местный наш писатель, да, господин Даров. Какие годы?
Не «Песни соловецкие», пораньше, еще верстали «Лад» с «Солнцеворотом».

Еще и раньше. Как же ошибаюсь, он это предприятие и создал.

Тогда еще сказали - головное, Карелия печатать нас не будет...

Он ринулся искать альтернативу... Да нет же, он совсем не член союза –
Возможно, предлагали после бума, когда в Москве шли «Умственные люди»

И рукопись отдали в «Современник». Его мы обсуждали многократно,

Но он не очень новообращенных и жаловал. Тогда к нему сходились
И стар, и мал для философских споров. «Как зло торжествовало незаметно?

Как может бред главенствовать над жизнью,
а идол - растоптать живые души?»

А он смущался, пожимал плечами: наверное, с отчаянья заносит...

Ах, женщина знакомая? Давайте скорее трубку. Вы Дарова знали?
Скажу вам, для чего Даров мне нужен. Исчез он с поля зрения надолго.

Он отдал папку вам? Дадите глянуть?

Клянусь, оставляю в текстах все, как было.

Он обещал мне дать материалы для нового большого альманаха.

Ну, год назад мы виделись, не боле. Как видно, время шло на производство,

На технику, поездки и бумаги, а сам писал тайком и между делом.

Я знаю ту историю с судами, когда его подставили с оплатой.

Долги, долги, понятно. Виноваты всегда лишь те, что бились и пытались.

Сидящий в норке жизнью не рискует. Вы верите, что не себе, а людям?

Ну, слава богу. Бедный литератор. Добра не делай людям, зла избегнешь.

Я вам верну ту папку прямо сразу. Там есть непубликованное? Славно.

Отрывки из романа, говорите? О нем ходили слухи, я не знаю...

Но где его искать - спросить согласие? А сами почему не разрешите?

Раз вам оставил, значит, доверяет.

Послушайте, оно же пропадает,

Пока Даров скрывается от рока,

пока жена велит обогащаться.

Ужасная ирония - Даровы

бегут ОТ ДАРА. Хуже

не придумать.

Какого рока? Русский же писатель! Непишущий.

Да как не волноваться.

Такие вот Даровы - невидимки. Написано и спрятано от мира.

А есть еще один, его издали, музейщик - тот, что
с Соловков приехал...

Издали - это правильно, но дальше, его узнает мир - когда? Не скоро.

Начать бы с презентации, но поздно.

Теперь он так далек от вспышек блицев,

На подиум вносить его придется. Он очень болен. Дикция плохая.

Какая проза!.. Если бы пораньше... Такие невидимки для народа

Пожалуй, страшнее всех укров. Хотела я всерьез заняться ими,

Да вот зарплата мне не позволяет...

Куда как несерьезно! Чья-то слава
Лежит у вас в столе. И вам не жалко?

Вот именно, кому он безразличен,

Они и оттолкнули от писанья. А мне так жалко. Русая бородка,

По-левински беспомощные очи. Я как сейчас - задерганного вижу,

Как он тогда носился на машине - лицензию издательству оформить...

Мы встретились на улице, рассеян
он был, но помню – отклик дал из папки...

Да, на мои рассказы. Он заметил...

В союзе пролежали пятилетку...

Читала, понимала – наш товарищ. Он видит все, как я, все понимает,

И жалость эта едкая к тупицам... Я подойду и буду ждать за аркой.

Вы вынесете папку из архива. Да ничего что дождь, найду накидку.

Боюсь, и вы исчезнете, тогда уж мне ничего не будет от Дарова.

Я жадная до всяких там раскопок. Спасибо вам, огромное спасибо.

ПЕСНЯ ПОД ЗАБОРОМ (письмо вдогонку)

Варенье алыча в тазу ключами - вот так толпа безумная кипела
и головы подпрыгивали плавно, мешали даже действие увидеть.
Природа леса просто ошалела от треска и распиливанья сучьев,
от ширканья кустов, от мотоциклов, от вскриков света, бушеванья ночи.
От поезда пришедшие шумели. Среди рюкзаков уж дыбились палатки.
На фестивале все всегда так бурно. А ты стоял во тьме, светил зубами
и каждому, плеснув по полстакана, про этот же стакан горланил песню.
Всегда ты так - рюкзак вина, закуски, и тот раздашь приятелям по кругу.
И это всем так нравилось. Однако меня тогда тревожило другое -
ведь ты теперь в фаворе, ну, а фаны тебя готовы скидывать до неба.
И после петербургских менестрелей, когда у микрофона - «Романсеро!» -
вдруг объявили - что тогда творилось! Ты ничего, наверное, не помнишь,
ты был уже хорош, и ошалело драл горло... Дым страны горчайший,
переходящий в дым от папиросы! Помилуй! Как же может уместиться
в тебе печаль и горечь, гнев - и это... Как где кого «имели во все щели».
Послушаешь - два разных абсолютно, загадочно полярных человека
проглянули в тебе поочередно. Конечно, если ты не притворялся.
Нагретая, при градусах, тусовка, которой все равно - любить, калечить -
Вопила о твоём большом успехе, раскачиваясь, где-то у кострища
Дурными голосами умоляла не уходить, но ты -то сам... опомнись.
Всерьез решил, что слава? Но назавтра
поклонники не вспомнят про любимца...
Наутро после ошалелой ночи
умоются в реке и прочь поедут.
А ты решил, взлетаешь прямо в небо?
Но легкий дар, дружок, уже разменян.
Тебе не отказать в сарказме остром,
проглоченные слезы в нем звенели.
Но остальное - пропасть! Милый, тихо.
Признайся, потихоньку пропадаешь...
Ты падал в реку в праздничной одежде,
в кроссовках адидасовских, и тщетно
тебя пытался выловить поклонник,
забрасывая камеру с канатом...

Смотри, как быстро молодость уходит. Как у других, что падали не в эту всю в солнце - среди сосен - реку песен, а в черную, подземную, навеки.

К тебе же не пробиться. Ты не слышишь,
как молодой глухарь в лесу весеннем,

не слышишь ты ничьих увещаний... Приехали вы с юга, романсеро, там любят звезды яркие над морем! А я, устав от звездных славословий, вычеркивая звезды, где б ни были, сама теперь поймалась на наживку!

Поэтому вдвойне и незащитна, и проглотив комок, долой сбегая.

Записку передаст тебе красавец, который там все распевал про груди.

Вот тоже экземпляр! Талант и голос - а тратит на кабацкие частушки.

Да ладно! Кто я вам? Увы, не нянька, чтоб сопли утирать. Уже мужчины...

И ты глава семейства. Если схватит тоска за горло - у тебя есть номер

(в программке фестиваля телефоны -
состав жюри, помеченный курсивом.)

Стихов я прочитала километры, но вряд ли что, признаться, понимаю...

«А судьи кто?» - ты бросил мне наотмашь,
и кажется, попал в больное место.

Я не о том. И мне ужасно жалко, что все так получилось. Ты моложе,

Моложе оказался лет на десять.

А так - все верно. Тщельны рассужденья.

И то, что рот в жюри я открывала, меня изобличает негативно.

Дождя тебе косоного, но грибного, и солнца, пламенеющего в соснах.

Желаю твоему болеть сердечку, как моему, пожалуй, не под силу.

ПРОЩАЙТЕ, КОНЦЕРТМЕЙСТЕР
(рефлексия)

Сворачивая не по расписанию, автобус вынуждает в непогоду
бежать под ливнем лишние кварталы,
вытряхивать промокших меломанов
из псевдокожи в гулкость мироздания,
пронзенного трассирующей трелью.

Где зал у них? Меня едва впустили высокие и стрельчатые двери.
Что рокот волн волнение людское, свеченье сотен лиц, полупоклоны.

Простите, там свободно? О, не стоит, я лучше с краю.

- Тихо! Начинают!

От колыханья занавеса сцены до бархата и шпилек у ведущей,
почтительных запинок и румянца - все трогательно и провинциально.
Не чаю что-то новое услышать на всех благотворительных концертах
любимой всенародно поэтессы, и говорю все это без упрека.

Стихи ее звучали многократно романсом, хором и речитативом
от сельских клубов до телеэкранов. А новые рождаются все реже.

Не так стихи, как звонкие романсы, напетые высоким музыкантом,
удешевляют горестные тексты... Но в сторону брюзжаньс. Надо слушать.
Ведь если б только речи о прекрасном, но там рояль на сцену выезжает,
очкарик расчехляет инструменты, платочком белым пыль снимает с грифа...

Однако же, какое напряженье.

О боже, дай терпения нам, грешным.

Лицо у поэтессы неподвижно. Она теперь усажена удобно,
в цветах и креслах тихо утопая, чтоб нам не замечать ее увечья.

Читает строфы мерно, даже глухо, молитвенно глаза подьемля к небу.

И в этих тихо сомкнутых ресницах, бровях, - крылато - странное прощанье.

Терпенья нет во мне, сосет тревога - зачем влекло сюда неодолимо?

Понять пытаюсь, что в начале было - источником чужого вдохновенья.

Смешливая студентка в белых брюках

с музпеда завернувшая в юристы,

потом почти шутя - в литературу -

Я предпочла бы вместе слышать это,

молниеносным шепотом связуя

все тонкости. Но жаль, не получилось.

Стихи, однако, силою смятенья

рождают грусть, и крик осенней птицы

смолкает. В микрофоне свищет ветер.

Большие листья крутятся на нитках. И, свечи поправляя на рояле, стремительная женщина выходит, охваченная черным дымом платья! Закрыв глаза и гордо выгнув шею, вцепляется в рояль двумя кистями так сильно и так больно припадая, что стонет он раскатами ответно.

Очкарик с белой челкой - вся вниманье, смычком фехтует как гусарской саблей,

закушенной губой она похожа на хищную наставницу и музу.

По залу волны шепотов и вздохов, любви ответной жалобные вихри. Финал концерта был непредсказуем. Я чуть дышала, впитывая скрипы старинных кресел, хрусты нот и текстов, рояля ледяные переливы...

Но взмах одной руки сковал магнитом.

Ладонь дрожит свечой на заднем плане
всей круговертью правит концертмейстер,
одна она здесь царствует и правит.

Покорны голоса, они взлетают! Взрываются, просыпавшись салютом, басовые и тонкие аккорды. Смычок танцует над виолончелью.

Все концертмейстер чувствует спиною, углом плеча,
обтянутого шелком,

дугою подбородка и высокой, как смоляною башнею, прической.

Не женщина - сплошной поток энергий!

Внезапный жар мне скулы обжигает:

подозреваю магию звучанья и маету простого звукоряда виновниками воплей скрипок, блюзов и горловых стихов у дебютантки.

Источник боли, знаю, где-то рядом...

Напрасен черный газ тугой волюю
от плеч и в пол, в подножие рояля,
как подданных плащи пред королями.

Должно быть, эта жрица неподкупна,
ни полумер не знает, ни альянсов...

В служении великому искусству
есть что-то очень страшное, как жертва.

Все, что не музыка - внимания не стоит!

Неистовостью, хрупкостью и схимой
могла, пожалуй, ранить прямо в сердце,
которое судьбе сопротивлялось...

Возможно, и способная студентка
искала для себя такой стихии,
которая пленит любовью смертной
и жизни смысл придаст в любой утрате.

Уход мой стыден в море ликованья. Бурлящая толпа, отбив ладони,
 зовет на бис участников концерта, пока я к раздевалке пробираюсь,
 чтоб выскочить под дождик как во благо,
 за сжатыми губами запирая
 улыбку иль предчувствие улыбки...
 Какую связь мне удалось нащупать,
 пока еще не ведаю, однако судьбе я благодарна за подсказку.
 Спасибо и прощайте, концертмейстер,
 чья власть была так явственна, безмерна.
 Я не однажды чувствовала сердцем, что это запредельное искусство,
 и в чем-то величавей власти слова -
 при быстроте воздействия на душу.
 Оно не может властвовать над всеми.
 А для меня лишь слово всемогуще.

ЗАМЫСЕЛ
(файл)

Под пальмами сидел чудной Герасим.
Он, как и в книге, рослый и лохматый,
как русские, он прост, богобоязнен.
С судьбой вполне согласен. Лишь одежда
Подчеркивает явное несходство
с тургеневским – до пяток в адидасе.
Преподает детишкам физкультуру,
И в школе местной, в крохотной каморке
Он пишет среднерусские пейзажи.
Он просит сделать выставку, с начальством
уладить сроки и условия дела.
Представит он работ полсотни, может,
написаны они за лето-осень.
Развесили все быстро. Он старался,
нашел стремянки, гвоздики, шпагаты,
пока я разверстала каталоги.

Открытие - с поэтами, шампанским.
Посыпались художнику вопросы,
Заявки на покупку и рассрочку...
С картинами природы подружилась,
Хоть медленно входила в эту воду.
И он, Герасим, этот самоучка,
учил меня читать его картины,
мазки он расшифровывал как тайны...
На выставке в тетрадке посещений
где записи поклонников хранятся,
однажды появилась только подпись.
Не выдержала я – «но это мало,

вы, девушка, хоть отзыв написали б...»
Она с усмешкой - «а не ваше дело!»

Потом пришел Герасим и заплакал...
Да, русский богатырь сломался сразу –
дрожали руки сильные и плечи,
кривились все черты гримасой плача.

Растерянно его я пожалела.

Физрук и ученица средней школы,
Связал их жизнь роман средневековой...

Он в девочку влюблен, но без ответа.
она его и видеть не желает.

А он стихи ей пишет бесконечно,
как будто хочет смыть ее из сердца
потоком слез. Пока не помогает.

Любовь, учили нас – большая сила,
источник вдохновения великих.

Но может быть она таким ударом,
такой причиной полного крушенья,
что адом жизнь воспримешь, не подарком.

История достойна воплошенья!

Талантливый художник -самоучка
Идет ко дну, дав чувствам разгореться.

Ну как же тут Герасима не вспомнить!

Похожи мы с ним, это несомненно,
И влюбчивы на грех, самозабвенно

бросаемся навстречу испытанью,
потом, на части мелкие разбившись,
не понимаем, как начать все снова,
не мыслим жизнь без творчества, однако
задачу усложняем чем попало...

А почему - вы спросите – художник?

Но это уж тем более понятно:

смешная академия рисунка
наружу через годы запросилась.

ДРУГ С ГИТАРОЙ

(реплика у костра)

Друг мой давний, зуб железный, как тепла его улыбка,
Смех немой, хоть сжаты губы, простодушное прикрытье.

Брови хмурятся белесо, но – отсутствуют ресницы,
Краснолицый и серьезный, неожиданно бесстрашно
Он сказал: “Не опалило, просто врач прорезал веки,
Без которых я родился. Так однажды начал видеть!”

Так увидел, что работать до бессилия – тоскливо,
Резать начал кружевные жестяные безделушки,
Сочинять простые песни на гитаре самодельной.

И чем больше он работал, тем ему дышалось легче.

После этих парадоксов он расширился на город,
А потом на область - после выступлений по районам.

Он старался, чтоб другие понемногу прозревали.

Он умел чинить гитары... Лучший свой пиджак нагладив,
Отправлялся очень бодро малышне устроить праздник.

И в его нехитрой песне прыгал мячик, прыгал лучик,
Празднично искрились в окнах огоньки и счастья праздник...

Он нашел меня в тусовке, где сидели менестрели –
Приложения к гитарам. Грифы прислонялись рядом
Как пред боем арбалеты, как собаки, слыша “рядом”.
Подошел бесцеремонно, взял за руку, в зал сейчас же
Он пробрался, и на сцене вдруг одну меня оставил.

Микрофон противно булькал и совался в подбородок,
А гитара как предательница тренькала налево.

Что ж, гитару мне другую кто-то подал удивленно.
Дальше я совсем не помню, только голос очень звонко

Пел мои слова простые в бархат зала или неба...

Друг учил чужое слышать, и правнучке полководца
(Помните, Барклай де Толли?) приходилось подчиняться,

Так зловредничал на студии, оттачивая образ,
Регулировал дыханье, если запись шла на пленку...

Он меня довел до клуба, где осталась я надолго.

И теперь я там бываю, даже если уезжаю.

Вспоминаю я про сокола. и пыльную баранку,
Пламенеющие листья – выдох горькой поэтессы...
Бушевание пожаров из листвы столетних парков.

Да, ему я пела песни, если очень сомневалась,
Вышел образ или глухо, связи нет от слова к звуку.

Да, его щенки смешные, малышей заставки,
Колыбельные, романсы сочинялись для сопрано,
Просто он такой лиричный, неправдоподобно добрый,
Любят таких собаки и детсадовские группы.
Давний клетчатый приятель, скольких он увел за ручку,
Чтобы даром не блудиться, а прийти быстрее к свету.
Так однажды в осень-темень позвонил у двери парень,
Предложивший мне гитару под названием «Кремона».
Друг его ко мне отправил, чтобы пел мой слабый голос,
Чтобы пел, не умолкая, у кострища на поляне,
И на сцене под софитом, и, когда ужасно горько,
Запереться ночью в ванной, да щекой упав на деку,
Струнным звоном утешаться, уходя в обитель звука...
Так себя начнешь баюкать, что уйдут дурные мысли,
Вместо слез узнаешь счастье под мелодию разлуки.

Так однажды этот мастер приводить людей за ручку
Мне вахтершу предоставил с пачкою измятых листьев.

Ах, какое же страданье та бедняга испытала,
Правку строк познав, и попытку не осмелилась закончить,
Потому что приближала эта попытка к миру слова...
Воспевала же деревню – то, что мне всегда неблизко.
Взяв Сельвинского учебник, постигала точность ритма,
И слезами обливалась, исправляя все ошибки.
Пальмы лаковые в кадках ей сочувственно кивали.
Мне ж хотелось провалиться, я скрывала отвращенье...

Вирши были слишком слабы, и пришлось кривить душою,
Чтобы пытка прекратилась. Помогла с макетом книжки.
Книжка вышла у селянки. Презентацию созвали.
Что случилось с человеком! Двадцать лет как не бывало.
И подол нарядной юбки был шнуром задрапирован,
И растерянно сияли слез веселых бриллианты,
И цветов живая пышность отсвет розовый бросала
На щеках у поселянки. Вот что значит дать поверить...
Наш дружок пришел поздравить, и играя на гитаре,
Он коварно усмехался – мол, привел ее за ручку,
Очередь твоя настала – ты возьми - и дальше, дальше...
Знал бы он, куда толкает! И она, увы, не знала...

ЧЕРНЫЙ (ночное бденье)

Это снова ты... Как услышу голос, так сразу и вижу - кожан, цепи, бляхи, папироски летают, перчатки без пальцев... Что ты ходишь, как металлист, ты все-таки преподаватель. Еще серьгу повесь на ухо. Глядя на человека, который непрерывно курит, издевается и наезжает, трудно поверить, что он романтик или что у него за душой есть что-то святое... Веришь ли в Бога, например? Веришь? Но в это не верится.

Телефон взрывается, когда уже все спят, а я, отстреляв положенные часы на компьютере, углубляюсь в томик сладкой французской прозы. Все бы мне любовное читать, скажешь - читала бы лучше диагностику кармы. Не волнуйся, есть у меня и такое, правда, только три тома, и есть там некоторые разгадки на мои загадки, но извини, это не избавляет тебя от обязанности членораздельно говорить. Люди работают, а ты - не знаю. Надоело? Это ты надоедаешь, потому что всегда звонишь среди ночи. Ну и что - акция, я тоже слишком устаю для безработной. У тебя акция, театр, а у людей простая жизнь и усталость. Все проходит - то в полутемном зале, то в полутемной комнате, то в неестественном мареве софитов, то в дрожащем свечении компьютера. Избравшие искусство так и живут.

Думаешь, ты - искусство? Песенок велосипедистов сколько хочешь, все забойные, все летящие. Кто постарше, тот помнит. Это все к тому, что пока есть велосипедисты, останутся их песенки, но они меняются. А вот стихи про целованье на велосипедах ты не знаешь, это знаю только я... И вот у тебя уже не песенки, а перфомансы! Акции! А суть та же. Ты не можешь летать один, тебе надо поэтессу в белых брюках, от которой в публике электричество, ее голосок срывающийся надо. И тебе надо солистку, которая апокалиптической сиреной ревет, хоть ее в «Одиссее» снимай. Ты заставляешь музыкантов на пол валиться, децибелы взвинчивать.

Тебе слишком много надо чужого таланта, чтоб полететь.

Да ты меня не слышишь! Ты что говоришь

одновременно со мной! Причем язык

заплетается. Сама, сама тебя

попросила пойти на эксперимент

с поэтами,

они пишут сильные тексты, но сценически слабо пока. Благодаря тебе и твоей солистке получилось шоковое действо, молодец. И дальше, дальше, это волшебное слияние музыки и текста. Они не просто чередовались, они переходили друг в друга, накладывались, изгибались, спорили и баюкали...

Но то, что было в музыкальном театре, уже ни в какие ворота. Смешение академизма и авангардизма завершилось настоящей вакханалией саксофона, электрогитары, синтезатора и солистки. Смелый эксперимент, ничего не скажешь. Было в этом нечто языческое, грозное. Как человек обязательный, я дотерпела все до конца, хотя половина зрителей панически бежала. Задумано интересно, однако жаль, что голос актера, читавшего стихи, не был слышен в зале. Как будто две чужие стихии сошлись, не сливаясь. Те, кто интересовался словом, не хотели шума, а те, кто пришли ради этого музавангарда, не хотели ничего знать о стихах.

Еще и нумерологию. Ты слишком большое значение придаешь... Кто завоеватель, я? Ты меня ночью будишь, нарушаешь мою неприкосновенность, а я завоеватель. Черный человек, говоришь. Еду, как дрезина по узкоколейке. Сшибаю на полном ходу. А сколько раз меня сшибали вот так вот, ты не учиываешь? Любая агрессия вынуждена, кстати, я это - ответно. Меня, может, достали. Я знаю, кого я имею в виду, не тебя, юродивого. Да нет, спасибо за пропаганду духовности, но я сама знаю, что мне читать. Кстати, не я придумала: духовность - умение чувствовать другого человека. А ты диагностику кармы читаешь, а сам...

Что - «вот видишь»? Ни на что не посягаю. Никто под мою дудку не пляшет, ты с ума... Ничего не влияю, у нас теперь порядка такие, что я для них никакой не авторитет. Я для них теперь нафталин. Да знаю, кого ты имеешь в виду! Я талант открыла? Открыла. Тебя с этим талантом в белых брюках познакомила? Познакомила. Ты с ней выступал? Феноменально. Что еще? Ах, помещение, ах, скинуться на аппаратуру. А не слишком ли роскошно будет? Помещение я вызвоню, но от денег уволь. Хороший ведь зал в храме науки, нормальная акустика, только рояль не сломай. Я не заказывала твою вакханалию! Нет, не будет ничего, никакого сотрудничества. Эзотерика - да, помню чудный вечер со свечами и твою тающую органолу,

умеешь ты, умеешь. Но в библиотеке ты меня расстрелял. Прошлся с городом который раз уже, первый раз на абстракции, строил из себя гуру и предупреждал, что будешь программировать положительный модуль поведения, но это, мол, никакое не зомбирование. И стал наезжать!.. И после этого, мол, никаких у вас кармических петель, то есть заболеваний не будет. А музыка опять оказалась какофонией, а стихов было вообще не разобрать. Конечно, весь народ ушел, никто ничего не смог говорить, пока ты сматывал удочки и провода. Тоже мне гуру нашелся.

Ты хоть представляешь, что ты, вот такой, весь в черном, в очках, в цепях, вечно на велике - ты не можешь быть гуру... Имидж, да. Образ жизни, да. Ты байкер, так и что, по лестнице тоже на двух колесах? Колесо полетит, ты и двигаться не сможешь. Вот, правильно, пока чинишь колесо, ноги болят. Гуру ни от чего не зависим, а ты зависим. И он никогда никого не заставляет. А ты?

Угадала. Вот почему принял на грудь. Ах, солистка. А сколько она должна терпеть езду по лестнице на велике? Твою пьянь? Ты открыл талант, согласна, может, только после тебя она запела легкими, ты поставил ей голос, купол, столб воздуха, или как там у вас называется, но! Ты точно так же ее подавляешь. А теперь она поступила в консерваторию, вычеркнув промежуточный этап. Что ты там хрюкаешь? Ну читай. Стихи посвятил... Какие нежные, отрывистые. Ладно, записываю «Набатное»: «Был дуэт - бил дуэт/ Горестным набатом/ А я знать не хотел, /Кончился когда-то. / Кончился, а я стою/ Быть куда-то надо, / И я бью в боль свою / Так, чтоб до упаду.» Еще одно? «Обезболивающее»? давай. «Струился Бах по залу / Небесною лазурью/ Я сердцем тру по звукам, взорвать себя рискуя.../ А боль немеет, Бах звучит мудрей и неизбывней,/ И вроде можно жить уже, но сердце все отрывней...» Но до стихов ли ей. Помню, что просил сходить к ней за фотографией, я ходила, но что толку. Замороженная твоя солистка.

Не знаю, что там у вас было, но глаза у нее...

Мамочка тут же чинным цербером салат строгала.

Нет, они смотрели на меня с ненавистью.

Потому что я пришла не сама, а от тебя.

Ты понимаешь, что сапогами по ней

прошелся, кованой подошвой.

Бритвой? Кто это мне грозит бритвой? Я зачем говорю с тобой как с человеком - чтобы ты пугал меня? Я брошу трубку. Не сходи с ума, я ничего не разберу, сколько ты там принял уже на грудь. Твои спички меня достали, говорю, позвони завтра... Ладно, читай. Если в самом деле любовь, то читай, а то помнишь, как два года назад посвятил композицию смерти друга, а оказалось, это байк у тебя украли. Как бы цинично, понимаешь. Ты от чего больше убиваешься - от потери колес или от ухода солистки? Когда вы на тусовках вместе сидите, меня оторопь берет. Такая девочка беленькая, тоненькая, такой цыпленочек рядом с твоими цепями, твоими лапами без пальцев. Она тебя вдвое моложе... Ну хорошо, давай про акцию.

Нет, что я видела на площади вчера! Нет, это был не ты! Там сидел какой-то с бородой, при шляпе, а ты же бритый по жизни. Я шла мимо, тут музыка заиграла, не заиграла, заревела, я подошла и села с другой стороны зонтика. Военные песни играл человек, а перед ним шляпа.

Из рынка народ потоком плывет и швыряет монетки. Я от песен этих так разошлась, что последние деньги выгребла тоже. Смотрю, одни пенсионеры. Молодые ни-ни. Я плачу оттого, что самые бедные бросают, и жалко, что такая музыка простая, живая, без фанеры - на заплыванной площади рынка...

Но ты же пианист, какой еще к черту аккордеон! Отец мечтал об этом, ну, понятно. Так что, выходит, если он не доиграл, так ты за него дожил, доиграл, так, что ли? А по сути был другой. Надо же, кармическая петля. И в военном оркестре тоже играл. И потерял лет десять, оторвал от фортепьяно. Но подожди, ты все меня сбиваешь... Ревели песни фронтовые, меня как привязали к музыканту.

И тут солнце зашло, стало смутно, пыльно, бабки-деды кольцом подошли к нам. «Мы зачем воевали? - спросили они, - чтобы дети наши побирались? Уйдите отсюда». Мы смотрим - дождь, и сквозь марево город сорок-пятьдесят лет назад, как на архивном снимке. И бабки-дедки помолодели, вытянулись, как на старых плакатах. Но мы не уходим, этот все играет, все лучше, все жалобней, я

стала подпевать и со мной эти бабки помолодевшие, с узелками, косами на голове, опустив глаза - тоже. Почему такое, не понимаю, я никогда не любила народные напевы, тем более военные песни, это такой ужас, такое напоминание. Что тогда было страшно, все умирали, и теперь еще страшней, все умирают.

Какая разница, от чего... Одна бабка села рядом под навес историю рассказывать. Ехала, говорит она, - ехала я однажды, билетов не было, так уцепилась за поручни и ехала, потому что муж нашел на войне дружку и бросил с двумя детишками... А когда меня стали с поезда снимать через пять-то часов - примерзла. Она долго искала гарнизон, там домик его, там выходила другая, с румянцем, засучив рукава, и стояла брошенная три часа на морозе, пока он сам не вышел к ней. Скажи, почему он вышел? Почему брошенная жена сильнее, что вот я, мол, единственная? Откуда она знает, кто кого любит.. У нее под ватным бостоном, под платьем с кофтой - еще пеньюар был, с зеленым птичьим мехом по краям, как у эстрадной дивы... Она, вися на поручнях, еще думала про пеньюар. Как это женщины могут, скажи.

И потом смотрю - выпала из реки времени, два часа прошло, деньги в лежат шляпе, а надо уходить. Вот я что видела.

У него был аккордеон... кажется, зеленый. Да, байк тоже был. Кажется, синей изолентой руль замотан. Как твой? Врешь ты все. У тебя был спортивный, складной и крутой, а это развалина, спицы ржавые. Ах, не твой уже. Опять украли. Ну давай, наиграй, я может, узнаю. А, боже мой! Что ты там играешь, держа трубку в зубах?.. Почему молчу. Потому что это был ты.

Ты вообще тинейджер в свои сорок лет. Потому и кожаны, и заклепки, и лысину побрил. А, голову уже теперь, когда за бритву... Не нашел ведь себя, опоздал с рок-группами водиться, опоздал с эзотерикой. Потому так на байке и живешь, любимых бросаешь, на поэтесс тень на плетень наводишь, траву куришь, в трубку пьяный спичуешь. На меня в телефоне наезжаешь, что я тиран. Хотя я даже с сумасшедшими могу говорить, с алкашами. Они устыжаются, вспоминают, что писать мне не дали. А ты как танк, не я, а ты - мой черный человек. Прямо по ногам, по рукам, по жалобному сердцу.

Горе черного не в том, что старый, горе черного, что он глухой.

У тебя шанс один раз в жизни был, когда она после концерта с тобой пошла. Ты хоть соображаешь, с кем пошел кирнуть? Со своим электро-сундуком на горбу, в кожане и кованых ботинках. Кстати, ты ведь на байке был, ты заставил ее у багажника бежать.

Ну ты мужчина. Если бы трепался

поменьше, а понимал людей побольше, не карало бы так. Откуда тебе знать, если ты меня не читал, ее тоже. Прикидывал, что соврать! Нумерология у него... Что как ребенок опять.

Это надо какую наглость иметь, чтобы сесть у рынка на ящике, да еще на книгу себе денег собирать. Или на бутылку! А сел на ящик и читал, и пел, на сколько хватит духу... Я так хотела поддержать, но испугалась. Говорю - слишком поздно. Лет десять назад я сама бы так села и собирала денег на альманах. Завтра рано вставать. Поэтому кладу скорее трубку...

НАПУТСТВИЕ ВХОДЯЩИМ
(решилка в прихожей)

Привет, ребята, много вас, однако...
 Прихожая в минуту стала тесной.
 Какие привели сюда заботы?
 Похоже, всех волнуют семинары,
 Которые любители березок
 Возобновили, чтоб открыть таланты!
 Но что сказать, коль я туда не вхожа?
 Для них тем совершенней, чем секретней.
 Меня как таковой не существует, -
 они глаза закрыли утомленно.

Но я же говорю вам - бесполезно! -
 Не потому, что нет людей способных,
 А потому что слишком жестки рамки.
 Хранители такой известной школы
 Состарили ее слепым лекалом -
 Любое отступление чревато
 Анафемой великих патриархов.
 Голубчик, ты действительно боишься?
 Но ведь тебя никто не заставляет
 Класть голову на почвенную плаху!
 Ты автор многих сборников, к чему же
 Дрожать пред чьим-то мнением поспешным!
 Ложись в больницу, если невозможно
 отказываться прямо от участия!

А ты что скажешь, дева приозерья,
 Которой гарантирована порка
 За узость тем и лирику интима?
 Ты думаешь, что пара посвящений
 Адептам нашей северной природы
 Заставит их смягчиться? Как наивно!

Не жала рожь, и лен не теребила,
 не тапливала печь и не рожала -
 вот минимум, который бы позволил
 тебе хотя бы рот раскрыть при людях.
 И вообще, ты девушка, не стоит
 чтоб женоненавистик распялся...
 А ты, герой костра, гитарных бдений,
 тебя же прокатили эти люди,
 расписывая, как нужны России
 не песни под гитару, а таланты,
 с гитарой несовместные! Вот видишь,
 а ты стремишься, ждешь от них чего-то.

Ну до чего же слепы вы, однако.
 Хотя бы посмотрели на страницы,
 те вкладыши к таблоидным газетам,
 которые выходят неизменно
 затем, чтоб оживить музейный улей,
 и показать жужжание и живость...
 Фамилии всегда одни и те же,
 и гордость, что в столице похвалили,
 но нас к чему обманывать, мы знаем
 реальную в союзе обстановку.

Когда приходит новый сочинитель,
 они глядят сначала не на тексты,
 в которых новизна и свежесть слова.
 Они сначала молча изучают
 имен и отчеств мнимое еврейство,
 потом осведомятся, кто учитель,
 на собственном настаивая четко,
 и лишь потом начнут листать страницы.
 Туманный взор подняв к авторитетам,
 сошлются вдруг на Пушкина зачем-то,
 поскольку до него не дотянуться...

Могу вам рассказать свой бедный опыт
общения с писателем народным,
который очень ценит поговорки.

Мои он редактировал рассказы,
которые, конечно, не “тянули”
название ими выстраданной школы.

Он делал это нехотя, давая
намекы, что потом, лет через десять...
В беседах он просил любить природу,
людей, животных, им идти навстречу.

В ответ и я навстречу поспешила,
улавливая горечь в тех намеках -
смотрела я наброски сочинений,
в которых раз от разу исчезало
лицо его под пологом народным.

Сначала просто лирика томила,
загубленной любовью отдавала,
на переходе к смерти холодила...

Но дальше все запутывалось очень,
и вырастали головы собачьи,
утопленники крышу починяли,
неясно, а душа куда девалась,
его душа, а не душа народа...

И я ему представьте, предлагала
помочь, чтоб душу вытащить наружу
из тех колодцев, где она сидела
по милости великих патриархов.

Они ему, конечно помогали,
но чтоб зарыть себя - не слишком это?

Послушайте, на новом семинаре
любитель поговорок и пословиц
ходил на полусогнутых пред теми
сановными, кто ехал из столицы,
а на меня не обращал вниманья,
сказал, что к сожалению не видит,
предмета для внимания к таланту.

Приехали, ребята! Очень тонко!
 А как же все мое "своеобразие,
 характеры, живые диалоги"
 и прочие черты, ввиду которых
 читал и редактировал он книгу?
 Все кануло - ведь все второстепенно
 пред мощною политикой заслона...
 Не можешь ты, поскольку ты не должен
 того, того и этого. Смирися?
 Жди очереди, смогут напечатать
 лет черед двадцать, может быть и больше.
 А если вдруг свое захочешь крикнуть,
 тебе покажут, где зимуют раки.

Как доказали это важным дамам,
 которые явились издалека.
 Их на учет не ставили за то, что
 на переезд не взяли разрешенья,
 не привезли своих рекомендаций,
 а книги перечитывать - увольте.
 Своих родных читать не успевают...
 И тут пришлось читать бы очень долго -
 количество различных публикаций -
 статей и книг - безмерно потрясало.
 Ну вот, теперь все стало интересно.
 Давайте же, штурмуйте бастионы.
 Да в том, что вам печатать помогала
 старайтесь ни за что не признаваться, -
 покажут вам картиночку с Пегасом,
 где сыплются листы с обратной дырки...

Вопрос в другом - а что потом, учеба
 по мастерству наступит ли в союзе?
 И тут я развожу, друзья, руками.
 Признаться, не моя уже забота.
 Вот здесь, в прихожей, выпалю, что знаю.
 Пронзая материал, усиливая сущность
 Открытий новых - это наслажденье.
 Но это для меня. Для них - не знаю.
 У них все сложно - школа, школа, школа.
 Которая подспудно умирает,
 поскольку старики сидят по списку.

Поскольку школа, где непостижимо
 учитель без учеников томится!
 От них бы абстрагироваться надо,
 а вы идете с миром на Голгофу.
 Девятое, январь - никто не помнит?
 Каких иллюзий за часы не стало -
 Они в тот день как люди умирали!

Однажды написать свои сонеты
 Заставил поэтический начальник.
 Все, кроме зека, дали варианты.
 А что же вы? - Куда уж быть смешнее? -
 - Но Гумилев настаивал на этом!
 - А помнишь, чем все кончилось?
 Расстрелом.

КУЛЬТУРТРЕГЕР
(сон наоборот)

Пальмы стали сохнуть. Листья-пятерни кривятся и желтеют. И чем больше поливаю - больше желтеют. Вязкая земля в ногах, сухо на вершине. Та, что у окна, еще зеленая, проходимец сказал - я туда пепел стряхивал. Дежурные, знаю, льют спитой чай. Я думала, она на проходе, ее дергают больше, толкают, один раз креслом двинули - она в окно чуть не выбросилась.

Та, что в углу, кажется, в комфорте, но ей хуже (никто не дергает). Приходит художница, обертывает их тряпкой, ставит рядом калориферы. Потом поводит руками - аура. Что аура? Тяжелая аура. "Ты плачешь много". При чем здесь я, это ж дерево. Дерево чувствует!

А что люди? Они видят - пальма сохнет. Жалко. Они видят - я сохну. Ничего! Еще не такая желтая как пальма. Получается - люди хуже чувствуют, чем дерево.

Приходят ученики Шри Чинмой, делают выставку. Вместо рам голубой облицовочный пластик - в квадратах пропилены круги. А там цветные лепестки, перышки, птицы-души.

Он композитор, музыкант, рисовальщик, поэт, живет где-то в Бельгии. И он их награждает аурой. Два месяца пальмы опять зеленые. Мне бы таких учеников. Где-то на краю света думают о нем, любят его, будто он самый лучший. А я бегаю со своими, за руку вожу, а они голову угнут и мимо, мимо.

"Замените меня на клубе, повесть допишу и вернусь". - "Пока ты не ходишь, и мы не будем". - "Но вы можете сами, сами!" - "Не можем. Ты культуртрегер, а мы творцы. У нас творческий эгоизм". Я снова клуб собираю. Повесть не пишу про художника-самоучку. Сидим под пальмой, она зеленая. Воздух светится золотыми мушками, лица моих поэтов светятся мудростью, добротой. Шри Чинмой дает ауру.

ЦВЕТОЧНАЯ ОДУРЬ (воскресное чаепитие)

Ты сидишь за компьютером и на тебя тарачится с подоконника ломкий и хрусткий зеленый лес. У тебя цветы хорошо приживаются, рука легкая, хорошо, если б ты была парикмахершей, волосы тоже быстро бы отрастали.. Но ты серьезная дама, юрист, у тебя ахматовская длинная юбка, солидные папки с файлами и вообще. Ты печатаешь диплом пацану из педа, бровки сдвинула и ни на что внимания не обращаешь.

А ты посмотри, посмотри, как пятнистая лиана плачет, капельки бисером тюп-тюп - и сбегают на кончик. Лиана юная совсем, как обезьяний детеныш, она пока не обрела своего длинного змеиного тела, она состоит из пальчиков, вцепившихся вместо тропиков в комочек не-чернозема, из пальчиков и носиков. У нее всего-то пять листов, и очередной высовывается изнутри носиком вверх. Лиана привезена за тридевять земель и является памятью о чьей-то умершей маме, но мы не будем о грустном, не будем. Ты поливаешь ее очень сильно, вот она и плачет. Ты если возьмешься за что, так очень честно, истово, «вам до краев иль чтоб стекало?» - да, чтоб стекало.

Поэтому, наверно у тебя так хорошо все растет, буйствует, вот и роза у тебя вымахала в дерево, и твоя мама говорит - унесем в гостиную. А ты расстраиваешься, у тебя даже срезанные розы начинают почему-то расти. На тех стеблях от дня рождения - ты помнишь? И никто не вспоминает теперь никакие трагедии и как ты из дома убежала к друзьям в Ковырино спать. Сколько ты переплакала, невозможно представить, но невозможно и забыть. Ты была тогда маленькая ломкая девочка,

новорожденная лиана из пальчиков и носиков, а теперь ты вымахала в деревце, как эта роза, и ты разрастается не только вширь и ввысь, а еще и внутрь. И у тебя есть теперь свои цветочные поляны, куда никто из окружающих не может добраться. А как эта роза болела, потому что жила на сквозняке от окна, как ее уронили при ремонте, а ты ее привязывала туда-сюда, и пыль

по два часа стирала салфеткой, и поливала баночкой пластиковой с удобрением - это никто не видит. Но цветы все чувствуют, они понимают, ты из их породы.

Помнишь, как мимозку всем подарили на восьмое? Подарили всем одинаково желто-шариковые облака, у меня завяла сразу, у девчонок позже, а у тебя стояла целый месяц, скажи, что ты с ней делала, а? Улыбаешься. Лаком, не лаком, какая разница. Да я не мешаю, ты печатай, печатай, ведь пацан из педа энерджи, импосибл, ему надо быстро, заплатит хорошо, а ты наконец купишь ту дорогую сумочку, я понимаю, почему у тебя такой товарный фетишизм и сумочки ты любишь, цветы тоже любят всякие емкости. Они из них растут.

А розы, которые мы тебе принесли на день рождения, эти принцессы Бьянки метрового роста, восковые американские талии и изумрудно-белые гордые головы. Те, что росли, наверно, в усадьбе Гальского, где ты выходила бы на утренний балкон, кутаясь в шаль: «Федор, Бьянки еще не распустились? Принеси в гостиную, только с бутонами». И Федор нес бы тебе принцесс охалку, и ты бы капризничала - «зачем так много?» И долго колдовала бы над ними, поводя носом, оглядывая издали, шелковая ножницами, расселяя в вазы, и тоже был бы товарный фетишизм. И чай бы курился, остывая на мельхиоровом подносе. Ты любишь розы Бьянка и мартини Бьянка, ты представляешь? Это не может быть случайно, только бы догадаться... Нет, ты не могла подстроить, мы это вино пили два года назад, и ты, ты тогда не знала, как оно называется, и про розы ты не знала, какой сорт, просто сказала - мои любимые, зеленые розы.

Да нет, я не к тому, я просто поставлю чайник, пока ты тут колотишь по клавишам. Ну пацан, вздумал тоже описывать роль партии в истории Белоруссии, как только ему не тошно.

Описал бы лучше роль цветов в жизни поэтессы. Да не той, что на портрете, а вот этой, которая за компьютером.

Откуда берется в твоих стихах эта ломкость и томле-

ние? И мысли нить бежит вокруг да около, как будто в зелень спрятаны бутоны!

Мужчины очень ограничены своим прикладным значением, они все видят узко. Твой доктор, кстати, тоже. Когда ты к нему пошла на день рождения, и ты не очень умирала от скуки, танцуя с приятелем-водолазом. Приятель - водолаз скакал по комнате как заяц, конечно, каждый рад скакать, чтобы ты заметила. Да нет, ты близорука избирательно, что хочешь - видишь, а что не видишь - чувствуешь. Что глазами дымчато смотришь? Ты про себя писала в той новелле, где про глаза Ариадны Эфрон, что дымчато-пепельные шары, так я и представила себе такие цветы, большие, типа хризантем. Звонит он, естественно, звонит, ты же устроила его на полставки, кроме того, он толстый Пьер Безухов, он наверно боится тебя, пятнистую лианку. Но я понимаю, почему-то я не любила Безухова в школе, хотя он такой добрый, человеческий, не то что этот хлюст Долохов или сухарь Болконский. Надо же, он в молодости такой, как его отец в старости. Ты, кстати в курсе, как я не любила Наташу Ростову? Представь, написала в школе сочинение, что таких Наташ у нас полдвора, сначала вешаются на шею всем подряд, потом выходят замуж страшнее некуда. Идиотское рассуждение, правда, мне сильно попало - не за вольность взглядов, а за незнание Толстого...

Месяц у тебя тяжелый выдался, ты совсем упала духом. Солнце - грустишь, что не на реке, дождь - грустишь, что холодно, босоножек расклеился, а в сущности, это нормально, ты отдохнешь, оттаешь.

Доктор приносил тебе на работу ворох бледной сирени, ее тонкий запах настаивал воздух, настаивал, что где-то далеко есть буйство и радость жизни, что как у Болконского где-то расцветает старый дуб. Настаивал, что надо поливать теплицу и потом с бутербродом-крошкой сидя на порожке, наблюдать качание стеблей, пронизанных солнцем. Но ты отламывала край от сухой вафельной пластинки и садилась за компьютер. Сирень как первые весенние цветы - хороший знак. Это как предчувствие. Твоя любимая «Черемуха трехдневная» теперь понятней мне, но не потому, что Ахмадулина, а потому что в ней есть жажда и в то же время невозможность утоления. Это так похоже на тебя.

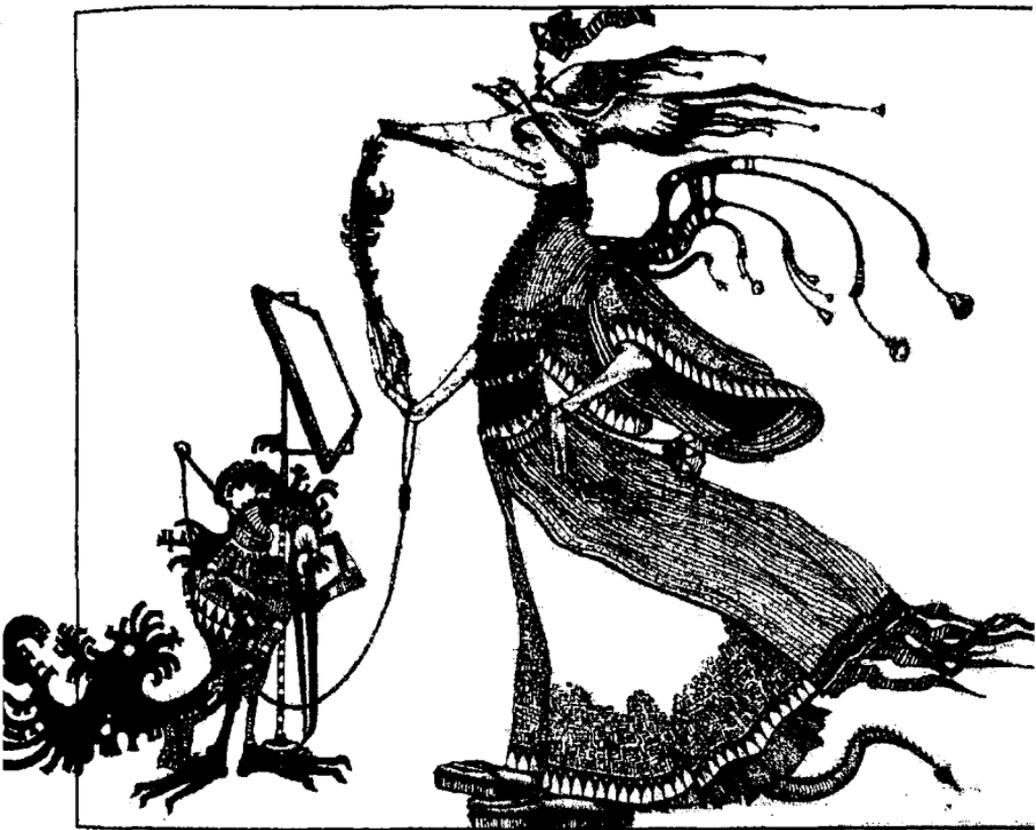
Пионы, кстати, хорошо с сиренью спелись. Смотри, как они роскошны и тяжелы, их бордовый атлас кажется твердым, а дунь - дождем на подоконник. Чем крупнее цветок, тем недолговечнее. Посмотри, как долго стояла сирень, а здесь взорвалась прямо сразу, сразу. Да, тогда было холодно на улице и на душе, а нынче зной, «ты выйдешь из ума», все очень быстро распускается и вянет.

Да нет, это к тебе не относится, ты же лиана, лиана долго выдерживает без воды. Хотя и тропическая.

Помнишь, ты украла мне бархатцы на площади, и я их быстрой посадила, и они такие вымахали. А тот цветок, что вырван просто так, не для посадки, стоял в стакане два месяца и еще бутон дал. Да ничего не придумываю, я потом из-за него стих написала про одуванчик с зеленью золотой... Не очень правдиво, конечно, бархатцы превращать в одуванчики, а моя мать называет их чернобривцы, это сочно, только не фонтан фонетически. Хотя, если по правде, в стих примешались не только твои бархатцы, но и твои золотые шары из рассказа, которые трактор переехал, может, это плагиат вообще, но очень, очень запомнилось и вообще обидно, что ты бросила эти золотые шары на произвол судьбы и не хочешь писать прозу. Ладно-ладно, я понимаю - внутренние законы и всякое такое. Но ты же такая методичная на работе, у тебя папочки, файлы, компьютеры, все так круто, по полкам, да неужели не жалко эту Леду из рассказа, она хоть и не сдала экзамен по административному праву, но сдала экзамен по человечности и взвалила на себя чужое несчастье. Господин Пьер... То бишь... Доктор, объясните ей, что нельзя бросать свое создание, хоть оно и придуманное. Я привыкла к героине, чувствую ее как живую. Как она получила двойку на экзамене – а у меня это происходит постоянно, и экзамены – и двойки. Типичная ситуация... так вот, эта девочка живая, как бы и кого бы она ни любила. Пусть Леда сначала любит Лебедева так сильно, что потом любит его жену, это драма обожествления, пойми, в юности человеку не хватает себя самого, оттого такая жадность... Даже пускай все провалится, вся ее история – она не пропадет. Я это чувствую...

И кроме того, чайник вскипел, я пойду, поджарю несколько тонких блинчиков, говорят, что от жаренья блинчиков и пирогов не хорошие духи улетают вон. Поэтому надо жарить блинчики ежедневно. А чай пойдем пить в комнату, где тюлевая гардина летает, летает над зеленым пышным садом по

ребьется эта Белоруссия, надо понять наконец, что лето, счастье, цветочная одурь - все это не так просто. И Пьер Безухов на полставки лучше Болконского на две. (Тем более, что у него маленькая княгиня умерла). Твой взгляд рассеянно скользит по пионовым завиткам, напоминающим рисунок губ. Может быть, это самое важное на сегодня - такое гулкое торжество природы, что сердце бьется захлеб. Федор, посмотри, не распустились ли новые Бьянки?

АВАНГАРДИСТЫ В БЕРЕЗАХ
(письмо наверх)

На семинаре множество угрюмых
 Поэтов тихо сгорбилось на креслах.
 Они сидели, обхватив колени,
 Вцепившись в подлокотники и скулы,
 И взгляды их являли безысходность
 Решимость не уйти отсюда сутки.
 Вот бородатый мэтр простер ладони,
 Заговорил о срубе деревянном,
 О том, что наши жизненные центры
 Удалены от истинной природы.
 В порубанных лесах, глухих болотах
 Еще таится свет – душа народа,
 И указал на русские березы,
 Которые лепечут наше горе.
 И есть у нас поэты – он продолжил –
 Которые курлычут ровно птицы.
 Березовым корням сказать спасибо
 И поклониться каждый должен в землю.
 А то, мол, присылают описание
 Зеленой колбасы, летящей в небо,
 Зачем и грузовик по снегу едет,
 Рассыпанные давит апельсины.
 Зачем песок, что прямо в глазки сыплет
 Ребенку ненормальный отщепенец?
 Что значит – плюнул он в глаза легенды,
 Похрумкал шрамик девушки на шее?
 Ведь это беспредел, мучений горы
 И все не производит впечатленья,
 Не жалко и не больно это слышать...
 Ведь разрушенье это, не создание!
 Стихи должны быть складными, о боге,
 Легко они должны звучать и реять,
 Чтоб их простой народ твердил на память,
 На пьянке запевал с аккордеоном.

Вот вы, как вас... имен, увы, не помню,
Все на одно лицо, как басурмане...

Поднялся тихий человек из ряда,
Одернул быстро тонковатый свитер,
И голову с залысиною вскинул
И остро глянул, искривив в усмешке губы.
Он гордым оказался, не трусливым,
прочел стихи взахлеб и даже страстно
про бедный и трагический Титаник,
печаль еврейских гетто - Эвридику,
и сказ об огнеликих апельсинах.
О том, что так близки любовь и зверство,
как правило, они неразделимы.
Потом как послесловие добавил,
что грех искать в поэзии законов
известных и тем более понятных.
Поэзия явление звуковое,
судить ее не логикою нужно,
И быть она должна - невероятной,
Немыслимой, тяжелой, драгоценной,
И в основном конечно, непонятной,
Она боится всяческих разборок...
Поскольку вся она – увы, загадка,
Как женщина заманчивая, быстро
Впорхнувшая в автобус. Все, исчезла!..

Был в ярости ведущий, в общем шуме
Он сделался пунцовым, темно-красным,
Кричал, что эти вирши непригодны
К печатанью, они не отражают
Нисколько вехи времени лихого.
И, наконец, их просто не запомнить!
Его коллеги живо подержали!
В ответ на это сел упрямый автор,
Нисколько не согласный с диктатурой.

Простой пожарный, мастер-собиратель
 ответил, что нисколько не боится
 осмеянным сегодня оказаться,
 но знает он давно авангардиста,
 ведь это выход на иные сферы.
 И стал читать... О, белый стриж в полете,
 как символ воли бесконечно сильный.
 Тоска по чистоте – горенье тайны,
 омытая слезой рябая девка...
 Молчали потрясенно. Все – ни звука.
 Сильнее всяких доводов звучали
 Стихи, себя на людях защищая.
 И в тишине на лбу авангардиста
 Лишь серебрились бисеринки пота.
 И муха звонко билась в тень за шторой,
 От солнечного зайчика спасаясь.
 Вы знаете, когда у нас впервые
 Он выступал в литературном клубе,
 Мы ни черта не поняли, конечно,
 Но я, как институтка, восторгалась,
 хотя обосновать тогда не получилось...
 Поймите, чувств любовное кипенье -
 Для женщин это главное, к тому же
 Короновать любовь сегодня вряд ли
 Решится каждый... Что гореть? - Гордиться
 Способностью самою – вот что важно.
 Теперь не устаем мы удивляться,
 Как стал авангардист для нас понятен.
 Веселый критик, сравнивая с кашей
 Его стихи, узрел стекла осколки!
 Нет, правда, не шутя, мы стали выше.
 Нас за собой он потащил на крышу.

РВАНЫЙ СВИТЕР (простодушный дневник)

Заснеженное белое пространство, простеганное тропками, как вата.
 Столпившиеся сосны меж холмами, игрушечные домики с дымами.
 За тридевять земель сюда приехать пред ясны очи всероссийских мэтров -
 попытки ученичества представить. Труды уединенья - на расправу!
 Презреть долги, обязанности, семьи, ремонты, жэки, выборы, свиданья...
 И все, чтобы читать при свете люстры в уютном зале горе-сочиненья!
 Безумные затеи заражают, как говорится, пали все оковы.
 Развинчивались старые засовы, и новые стремительно врезались,
 и новые ключи по всей квартире поблескивали на витых тесемках.
 Две ночи наспех клеились макеты, и насквозь, как тетради, зашивались.
 Хозяйка их, конечно, зашивалась, долги неимоверно умножая,
 шюс-минус три-четыре сотни по сути ничего уж не меняли.

И прогремели речи на открытии, наполнили горением и страхом,
 наполнили бокалы на фуршете, расшевелили дерзкие надежды.
 В накинутых пальто одной дорожкой бежали неизвестные таланты,
 и снег скрипел так сладко, точно сахар.
 А в каждом холле новые знакомства,
 солидные издательства, журналы, современные обложки в ламинире,
 дискуссии об ассонансных рифмах, о пост-модерне, плюс о киберпанке,
 беседы об известности и рынке, о том, как где публиковаться...
 Как сон под рождество, сменялись кадры,
 а в номерах уже взрывались песни...

Я видела - в уныньи романсеро слонялся по полночным коридорам,
 твердя о бесполезности исканий. Потом, когда я по уши вчиталась
 и мыслью взошла к набоковеду, меня позвал с собою наш бродяга,
 серьезный разговором угрожая - несмело отпираясь, я вздохнула.
 На ручке кресла среди шумной шайки,
 где море разлитое портвейна,
 я зашивала чей-то рваный свитер,
 при потасовке сильно пострадавший
 На менестреля только удивлялась:
 не уставая, пел самозабвенно,
 не забывая отхлебнуть из кружки, в
 которую до края наливали,

давая всем понять, что песен хватит не только до утра, но дале, дале, чтоб публика домой не уходила, и чтоб никто не шел на мастер-классы!

Окно в торце большого коридора распахивал безумный романсеро. Снежинки забивались нам за ворот, придумывались адские уловки, чтоб рук и губ не сблизить ненароком. Он грубо обзывал меня зачем-то, считая частью мертвой показухи, а я не соглашалась ни в какую.

На сигаретах выместив досаду, предположил, что карты будут биты, и что руководитель мастер-класса его наверняка уже зарубит:

- Он ненавидит бардов, понимаешь! - Ты искренний поэт и все неважно!

- А как же «нас имели во все щели»? - Забудь дурной прикол на четвереньках! Ты перебрал тогда, но он не слышал! Помалкивай, веди себя достойно.

- А я сюда спешил не ради премий. А я сюда из-за тебя приехал.

Так разом оборвавшееся сердце погнало кровь неровно и толчками. Зачем же ветер нас тогда не заморозил? Отряхивая теплые снежинки, мы продолжали все о чем-то спорить. О силе внезапного притяженья, о быстрой диагностике талантов, о роли клубов и функционеров, о привлекательности и пустой шумихе, клубящейся вокруг литературы и почему продался он газете, которая так быстро пожелтела...

Но руки говорили параллельно, а губы пили встречное дыханье, любой глоток сильнее ркацители раскачивал широкий подоконник, качались, перевертываясь, сосны, и жизнь переворачивалась навзничь и пахла шевелюра не баракком, а соснами и лесом, напивавшись...

- Идем, пока пусты апартаменты, идем, другого случая не будет.

- С ума сошел, я вовсе не такая, и на твоих поклонниц не похожа.

- Ни на кого на свете не похожа, наверно, ископаемой породы.

- Не надо, пожалеешь ведь об этом, и помнить будет нечего в разлуке.

- Напрасно ты надеешься на это, что кончится разлукой... разбежалась.

Слова его бенгальскими свечами

светились и покалывали кожу,

а губы продолжали пить запретный

крепчающий неведомый напиток.

Но в смутном и сиреновом сиянье

редеющего быстро междусветья

он перестал мне подливать напиток,

дразниться и прикалываться тоже,

и карие глаза совсем погасли,

когда он выпрямляясь, вдруг надменно

окно захлопнул на все шпингалеты:

- Тебя я насквозь вижу, марш на отдых,

читай свои паршивые нетленки.

Ну, а за свитер - искренне - спасибо.

ГЛУХОЙ МЭР (письмо наверх)

Пишу о важной акции, на мысль о ней вы натолкнули. У вас уже был опыт, раз выпросили денег для союза. Я акции такие не любила, всегда боялась и приемных, и охраны. Но это надо мне - не лично!

Мы пошли на прием к мэру, очереди ждали месяц. Никто не сердился, все знали, у людей чаянье и отчаянье. И вот сдали внизу в предвариловке все вещи, даже рукописи (охрана велела, чтобы тетракти исключить), обыски на каждом этаже и так до верху в нашем «пентагоне». Зашли, нас человек пять(или семь?), все сели в шикарные кресла и диваны. Каждый говорит по три раза. Обязательно в микрофон! Все записывается, если происходят разночтения, они автоматически выкидываются. Чтобы прошло самое главное.

А мэр в наушниках. Глухой - аппаратура для того, чтобы усилить происходящие беседы. Он весь красный и в прилипшей рубаше, хотя его обдувают кондиционеры. Зачем же тогда на прием - можно было по телефону. Видно, что от бодряческой его улыбки и пружинистости ничего не осталось, теперь он тучный и похож на загнанного начальника производства, у которого план не идет. Или на нашего пожарника-краеведа, который делает по двадцать книг в месяц, когда не тушит пожары. Который забывает одеваться, выходя, по два раза возвращается за распечаткой, за курткой, он дошел до ручки уже, все говорит «уйду в леса». Однажды он ушел без обуви, представьте, выходит, всюду снег, а он в носках ... Вернулся, извинился... А что извиняться? Он половине местной литературы обеспечил выход к читателю. И все не зарастет народная тропа. Тут не то что ботинки - себя взять забудешь, рукопись уйдет в типографию своим ходом.

Мэр внимательно слушает, задает вопросы. Между вопросами и ответами происходит заминка. Время растягивается. Дуют кондиционеры. Постепенно все становятся мокрые, будто завернуты в целлофан. Это не от жары, а от страха.

С двух сторон стены стеклянные, и там сидят охранники и обслуга. Все увешаны аппаратурой и оружием.

Один из нас, молодой и горячий, вскинул руки, рассказывая о проблемах с публикациями..

- Послушайте, но пресса вся под их союзом. Их все редактора боятся.

Нас просто выгоняют! - и резкий взмах!

После чего кресло сработало и само пристегнуло ремнями! Тому не встать, ничего. Так и сидел до конца приема, а микрофон ему, конечно, отключили.

Когда дошла очередь до меня, я напомнила:

- Вам говорили про меня, еще когда вы не сидели мэром. Тот самый репортер, который работал в вашей предвыборной команде. Его вы тоже знаете - зовется романсеро..

Он говорит:

- Я правильно понял, о ком вы. Но он, считайте, и не говорил. Говорите без подпорок, от себя.

Я стала говорить от себя, стараясь подбирать слова и не забывать их, а то сотрут как искажение. И повторила пункты о газетах. Сказала - ни в одной из них нет человека, который освещал бы нас и наши акции, хотя б колонку в месяц. Потом смотрю, наушники он хочет снять. Или устал, или слышит без наушников? Говорю:

- Не надо снимать, они же все записывают.

А он повеселел вдруг.

- Я и так слышу. Это все ухищрения, это меня проверяют, чтобы я налево не работал. Я не глухой.

- Не снимайте. Нас выгонят.

- Я слышу без наушников.

- Тогда скажите, почему на той пресс-конференции, когда приезжала дама из минфина, вы нам не ответили. Мы еле прорвались в зал, нас не пускали. А потом мы написали записку красной пастой. Мы видели, как вы ее читали. И спрятали в нагрудный карман.

- Не помню, повторите ваш вопрос.

- Вопрос о том, что старому союзу вы выдаете мощные субсидии, а нас и в очередь на офис не поставят. Перед законом мы равны, а ваша избирательность ничем не объяснима. Смотрите, вот свидетельство из...

- Когда пойдете регистрироваться, я распоряжусь...

- Не надо, мы уже там были, смотрите, вот свидетельство...

Щелчок. Я стала повторяться! И микрофон, наверно, отключили. И мы начинаем все говорить, торопимся, что выгонят, он как-то странно отвечает, не дожидаясь окончаний.

- Вы старых прославляете в печати, даете денег книги Скажите, кто у вас намечен для издания?

- МЫ БУДЕМ ИЗДАВАТЬ ЛИШЬ ТЕХ,
КТО УМЕР.

- Вы говорили, нету фондов, а будут чтения того союза, он на какие, извините, деньги...

- Им дали сотню тысяч, успокойся.

- Неужто правда, что монастыри теперь на федеральные субсидии...

- Вы не бойтесь, вам все дадут. - говорит он вдруг! - Не надо тратить столько слов. На моем месте вполне могла бы стоять машинка для пересчета банкнот, - говорит он не слушая меня. - Только на кнопку нажимай. Ни у кого нет идей, только дай, дай.

Я говорю:

- Ужас. Вы не хотите быть мэром, зачем же вы тут сидите. Уйдите в леса.

Он говорит:

- Что же вы сами не идете. А идете сюда.

И его лицо, такое доброжелательное.

Вдруг заходят люди в халатах и начинают ему давление мерять. Перерыв. Соки, лекарства. Нам говорят «проваливайте, доводите только». Он ничего не говорит, улыбается все сильнее. Мои говорят:

- Надо же, глухой.

Я говорю:

- А как же съезды, по телевидению как.

- Он давно все выучил, кукла Шендеровича.

Мы уходим, а мэр пьет персональные лекарства, улыбается. Я говорю в коридоре:

- Врете. Он когда наушники снимал - он был еще живой. Он все слышал. Это он только что оглох.

- Это тебе кажется, - говорят. - Тут знаешь как обучают.

Представляете? А вы говорите - выходить на местную власть.

И тут же выходить обратно.

И тут я вижу, что тапки из кожи, которые выданы мне взамен сапог, я забыла в кабинете на приеме. И иду вниз в колготках, босая.

Мне теперь не то что финансирование,

мне даже мои сапоги теперь

не отдадут.

МАМА КРОКОДИЛОВ
(письмо вдогонку)

Дежурно пробегая по конторам, где прячутся лихие журналисты,
Я видела немало пыльных папок, наполненных стихами и стихами.
Обычно их выбрасывают после трехлетнего складирования в угол.
(Когда-то я московскому кумиру писала письма - канули туда же).
И понимаешь, я всегда мечтала в засаду сесть и папки скомуниздить,
А лучше бы сидеть вполне открыто, и отбирать, печатая в колонки.
Вот это бы работа! За бесплатно! И я, представь, всегда бы объясняла,
Что где хромает и какие фразы отныне остаются на скрижалях.
Я знаю, что была такая должность в газетах где-то времени застоя,
и литсотрудником тогда поэт работал,
чтоб с голоду однажды не подохнуть.
Хотя не всем такое разрешалось -
лишь тем, кто завоевывал известность.

А тут возьми, попробуй заработать, когда тебя туда не подпускают...
Спасибо, мне потом уж разъяснили, что я непозволительно всеядна
И прежде вкус иметь бы мне неплохо, не то я черт те что наотбираю...

Но я тогда любила восхищаться. И уцепилась рукавом за скрепку
Оставленной в редакции подборки. Клянусь, уже под ложечкой сосало,
Когда в глазах мелькали чьи-то бусы рассыпанные, рваные чулочки,
обилие Шопена, статуэток, и просто оглушающая горечь
которая сквозила из-под пальцев, ресницами дрожала и слезами.

Ах эти мне невидимые слезы - так хорошо и издавна знакомы.

Как сладко знать инакости причину,
досадно, что другим ее не скажешь!

Я телефоны долго обрывала, чтоб юную студентку в обнаружить,
добиться, чтобы шла в лито немедля, гейзеры стихов взлетали б выше.

Ты это помнишь? Уровень любовной
и горловой тоски такой был сильный,

что обсуждение шло довольно вяло, но ты тогда, конечно, не сдавалась
строчила нам поэму за поэмой, попробовала силы даже в прозе,
так незаметно вскоре обратились лишь на тебя взыскательные взоры.
И знаешь, я боялась, что обманешь, когда ты перестала нас морочить.

А вдруг пузырик мыльный тут же лопнет,
и нам все это только показалось?

Москве ты снисходительно писала,
чтоб приняли немедленно в поэты,

поскольку до рожденья было много, сейчас при жизни их, стихов, все меньше
 А я, дружок, назначенная нянькой к таким, как ты, я вовсе не страдала
 в тени твоей нисколько. Но боялась, что не смогу помочь тебе при взлете,
 ведь властные тона больших пингвинов не в силах повлиять на крики чаек...

Просила - объясни, какая сила тебя несет. Летят слова окружно,
 прямое попадание - в результате, а если я скажу, о чем хотела,
 выходят тормозные чемоданы... Они идут ко дну, короче, тонут.

Но ты была собой, никак иначе. А что это такое - неизвестно.

И я, смущаясь, все переводила (чтоб поняли тебя в оригинале)
 на свой язык привычный и уютный. Мои статьи - один большой подстрочник

Скажи, чему завидовать - таланту? Но он от бога, это незаемно.

И если быть совсем уж откровенной, то я же тут для этого сидела,
 чтоб выход был в другое подпространство,
 чтоб не стихал зимою свист весенний.

Но понимала - это место няньки. А был во мне птенец, наверно тоже,
 которому хотелось научиться крылами хлопать, на кого-то глядя.

Умела я расставить по сюжету стихи в твоей рождающейся книге,
 а для меня никто не лез в архивы, не мог мне посоветовать ни грамма...
 Как говорят - "уже автопилотом дошел домой, совсем не соображая..."

Вот так и я, во тьме ни пса не видя, упрямылась, везя литературу,
 но двигалась я черепашьям шагом... На клубе, черт возьми, одно и то же -
 ах, наша мама, мама крокодилов, учи нас, наши зубы отрастают,
 а ты писать серьезно не пытайся, ты только деградируешь досадно.

Придумай мне название на повесть! Скажи, зачем царапаю верлибры?

И что все это вместе означает? Но не затем, чтоб самоутвердиться...

Нужна мне тоже мама крокодилов... Ведь я из этой водяной породы...

Москва тебя заметила, конечно, и вот уже, смотри, правозащитник
 включает в конкурс. Ты попьешь коктейли

со звездами большой литературы,

на все великосветские тусовки

посмотришь, снисходительно кивая.

Профессор-немец пригласил приехать
 и в Гамбурге читать стихи студентам.

Неплохо для начала. Мало пользы,
 но надо отрываться от болота...

Тебя публиковать решили в книге, ты ужинать идешь с лауреатом, известная уральская метресса тебе вручила дивные рисунки...

Ты сессию сдала в литинституте на твердые веселые четверки, пересекла взхлеб ночные клубы и ощутила резко жажду жизни...

А я все это время, дурью маясь, учительку инъяза нанимала, владеющую языком немецким на уровне простого института - она перевела твою поэму. И пусть она не языка носитель, но это укрепление дела мира. Не надо морщить нос аполитично.

Потрать побольше марок на поездку, которую ты долго не забудешь.

А я поеду тут в одно селенье участвовать в прикольной авантюре.

Работа не на вечность и не в сборник, коммерцию подобную освищут,

Но как бы кто не исходил сарказмом, такое неизбежно, как осадки.

(Тебе пишу на случай, если месяц меня, приехав, ты не обнаружишь).

Они хотят, чтоб жизнеописание им создали, как в телесериале.

Из нефтегазопровода им каплет, но хочется экзотики, наверно...

Для этого меня и нанимают, и может быть, заплатят за работу.

Наверное, дадут и скромный домик, и речку предоставят, и компьютер,

Лишь только бы хватило пропитанья, на глупости терпения достанет.

Когда нет воспитательной задачи, в писателя играть гораздо легче...

БЕГ НА МЕСТЕ - 2
(ночной звонок)

Голосом, наверное, владею.
Разумом осилить невозможно.
В чем причина, все же непонятно.
Ты опять поссорился с любимой?
Кроме фразы «кто она такая?»,
в трубке слышу бешенство и злобу,
прочих слов никто не разобрал бы.
Сколько я тебя просила помнить:
не делись со мною личной жизнью,
тайные подробности не стоит
выносить на свет, на обсужденье.
Даже если я ее и знаю,
буду до противного пристрастной.
Женщина сама, в твоём конфликте
женщине я выступлю в защиту,
я ее не в силах ненавидеть,
коль она тебе писать мешает.
О, бесценный друг, мой новый автор,
сколько мы с тобою говорили,
смыслы жизни, смерти задевали,
все твои рассказы уложили
в четкую логическую схему,
где одно из многих - парабеллум,
иссушивший душу стратотерпца -
стал не важен. А герой сломался.
Неужели силою внушенья
ты запрограммировал несчастье?..

Что? Ты перебил свои иконы?
Ты сошел с ума от перепоя.
чем же здесь иконы виноваты?..

Все, истощено мое терпенье.

Ты вчера звонил - узнала голос, -
 а сказался парнем из ментуры,
 из газеты зоновской - совсем уж!
 Ты свою фамилию не помнишь?
 Господи, зачем ты с ним сошелся?
 Только время прожигать и тратить!
 ...Слушай, не хочу ни слова больше.
 Это оскорбление прямое,
 а еще охранник... Сгусток силы,
 совести, молчанья, благородства!..
 Я тебе не девочка с вокзала,
 Все, бросаю трубку... Невозможно...

Ну, дурак! Грозил с собой покончить.
 Пьяное чудовище. А жалко...
 Ум богатый. И пером владеет,
 Книг перечитал - не сосчитаешь.

Да, алло! Охранник?.. Извините.
 Значит, увезен уже в больницу?
 Боже, что такое... Не в себе он
 был за полчаса пред тем, как рухнуть.
 Вот и все. Не захотела слушать
 пьяный бред - теперь цедить придется
 матери сочувственные речи
 что пройдет, уляжется, затихнет.
 А самой идти потом в больницу,
 лицезреть распластанное тело,
 и глаза, от совести больные.
 И зачем мне это? Я хотела
 просто поддержать и успокоить
 явного писателя, понятно?
 Я была простой благотворитель,
 А теперь... теперь сама не в силах...

КРОКИ
(заказ художнице)

Все начиналось с баловства и дури!
Как говорит мой друг: «Из обезьяны
Не труд нас создал в прошлом. Человека
Игра лишь обучала и манила».
Конечно, театральный осветитель,
Он только о театре и толкует.
Театр есть жизнь. Но дело-то не в этом.
В театре не прожить, не заработать,
сегодняшний театр - система жизни.
Понятие игры, увы, присуще
Не только сцене. Всем, кто не смирился
с вагоном жизни, где проходы узки.
Колдуя курс над гипсовой лепниной,
от идеалов устаешь невольно.
Соскучившись от симметричной глади,
тебе хотелось просто подразниться.
Но нужен был не грубый штрих и окрик,
слепое доведенье до уродства.
А маленький намек бенгальской свечкой,
лавандой сбрызнуть эту скуку будней...
Ну - так и подмывает, верно, ива?
Какое было море ситуаций,
что косвенно, не прямо проступали,
а все равно все наши узнавали.
Портретные приметы исключались.
Изюминку в характере искали,
лишь в черточке, в манере поведения.
К ним подписи случались иногда лишь,
когда сам смысл заслуживал вниманья.
Зависимы ли мысли от рисунка?
Самодовольны рты, летучи фразы...

Скажи мне, из чего рождается образ?
 Не из листа, но из того, кто смотрит.
 Тот, кто рисует, частностей избегнет,
 чтоб зритель дополнял воображеньем.
 Как твой преподаватель в институте:
 концепция заломов, складок, тени,
 извечный драматизм пятна от туши.
 И «аскетизм дверей» - понравилось. Мне тоже.
 Ты «аскетизм двери» рисуешь непрерывно.
 Несут ли романтическую повесть,
 народные частушки и притопы –
 а рисовать заставят те же двери,
 неважно, от вагона или в офис,
 с портьерой, ламбрикеном иль без оных.
 Подскажут, где звоночку быть и ручке!
 И сами обойдутся без фантазий,
 тебе не оставляя даже шансов.
 Ведь можно рисовать не то, что в тексте,
 тогда картина вмиг преобразится.
 Порою озорство тебя толкает
 сейчас же рядом с лаковой обложкой
 привесить бубенец из века Холмса...
 Звоните, господа, не дозвонитесь!

В студенчестве пришла чудная крока.
 Зверек по анатомии, по виду,
 По сути психология сплошная.
 Как Чебурашка - сказочной породы,
 живой, не целлулоидный характер.
 Потрогай и до слез сама расстаешь.

Другая крока - диво, некрасива,
 глаза ее зажмурены в экстазе,
 прижала ушки, кисточки-звоночки
 и выстрелила вверх из атмосферы.
 Оковы быта бедной надоели,
 однажды вверх стрельнула и исчезла.
 А уши, как и платье, точно парус.
 Ведь надо четко слышать, чтобы думать.
 Ты, птицеящер поводком привязан,
 задумчивость терзает, не мешайся.
 Здесь тайна есть, величие, сюжеты –
 Пока один творит, другой не трогай.

Жжих! лапки вместе! И уже из глаз пропала...

Такой рассказ давно я приносила.
 Там будто бы спортсменка отрывалась,
 Бежала всю дистанцию, старалась,
 Но вдруг ей надоело убиваться -
 И что она соперниц не обходит,
 и тренер втихомолку притесняет.
 Она пять лет с мученьями бежала,
 ну, а потом как прыгнет сразу в небо.
 Кричит без толку тренер, с муравьишку...
 Нет, крока своевольное создание.
 На выставку не хочет, на обложку,
 домашняя порода – не приручишь.

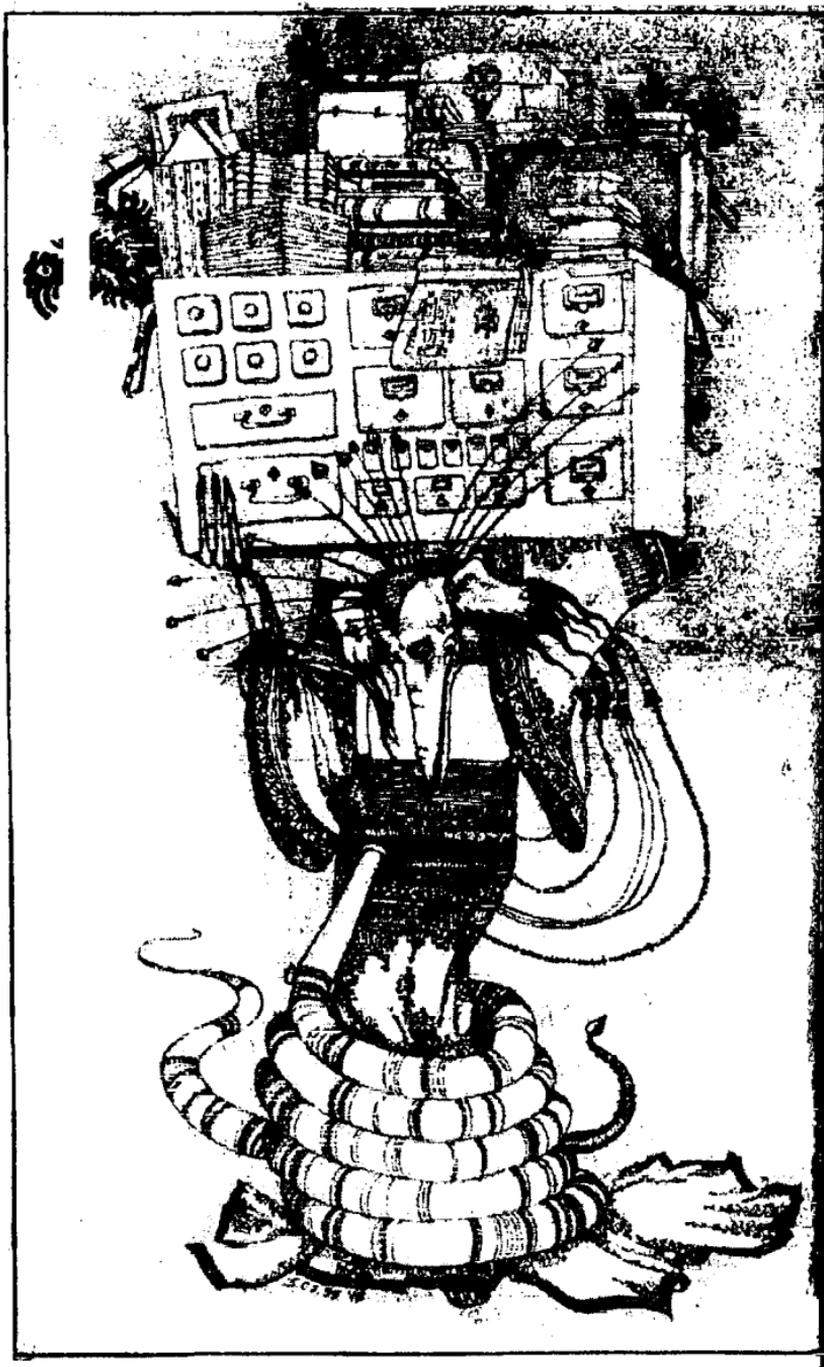
Скажи, а где у них детишки-кроки?
 Задумалась? Ведь правда, есть большие,
 Так почему не быть и продолженью?

...И маленькие кроки вылезали
 из-под стола, вообще-то кто откуда,
 когтистые по-птичьи и щенячьи,
 как ящерки. Шипы стоячих лапок,
 и чешуя, и крылья. Хвост у кроков
 похож на крокодилий, несомненно.

И клюва сумасшедшего угроза,
 И пышная спесивость оперенья...
 У них нет пола, фауна вне смысла,
 Такие души, слепки настроенья.

А гордость их ясна и очевидна,
 они цари, от царских настроений
 зависит миру мир, а не обратно.

И крока, видишь, вся она в искусстве,
 перед мольбертом взор ее опущен,
 однако кисть за кончик прикусила.
 Изысканный течет хитон старинный,
 кругом расшит орнаментом мельчайшим.

Сначала это были только шутки,
поверхностный отход из ситуаций.

Фигуры не сидели, не стояли,
подвешены в ничто, в пустом пространстве.
(не обретая почвы под ногами).

Достаточно черты: вон та растрепана,
Нигде и никуда не успевает.

Вон та совсем захлопнулась и сжуклась.

Они ведь на людей и не похожи,
Но получились лучше прототипов,
как копия сильней оригинала.

Позднее образ явно осветлился,
в основе саркастическое чувство,
держашее так цепко. Одинокость –
платформа размышлениям. В романе,
когда другой тебя совсем заполнит,
ты растворишься. Человек уходит –
тебя самой все больше. Уязвимость,
зависимость спадает шелухой.

И воздуха потоки налетают
Тебя несут в заоблачные страны.
Речь не о страсти. А когда проходит.

Сидела в романтических одеждах
Печальная оставленная крока.
Вокруг карандаши, листы бумаги,
Измятый балахончик трикотажный
и шлепанцы разбросаны. А носик
у мордочки совсем еще не длинный,
(у поздних – подлиннее). Грусть и жалость.
Мужайся, встанешь, мышка-гладиатор,
Чей гребень бесполезен. Ножки, ручки,
И длинные нервические пальцы.
Морщинистая крока вся в тревоге.

Бубенчики на спинке пообвисли,
И сохлись от ненужности. Ей плохо.

Наверно, это ночь переворота.
Ты ночью волны радио ловила,
и, мучась, рисовала эту кроку.
Ведь было много близких под Москвою,
И трудно было мысленно смириться,
что все-то под откос у них свалилось.
Ты догадалась, это в эпицентре.
Чтоб жить да жить, за город ездить надо,
чтоб есть, добыть в издательстве заказы.
А тут начнется грохот, перестрелка,
на площади упал ничком ребенок
с ушами с Микки-Маусом на спинке
и громкоговоритель больше не объявит,
что кто-то потерял опять ребенка.
Не то что карандаш сломаешь в шоке...
Заламывать и лапки всем придется,
пока тебе их не заломит кто-то...

Вся жизнь твоя, увы, не безмятежна,
как может только с виду показаться.
Дочурка не желает кушать творог,
Над сливками и йогуртами чахнет,
на самом деле творог ей не нужен,
энергию ей космос посылает .
Не правда ли, похожа на лемура,
И на цветок, играющий на скрипке,
А также на собаке, тронь за уши –
она фиоритуры петь как скрипка.
Но сонное течение речное
имеет такт и ритм, его быстрее
научишься следить, когда все тихо.

Другая крока как романс подруге,
 устало изнывающей на кухне.
 Подруга страх смешна, она готовить
 вбегает напрямик от делегаций,
 и развевающийся шарф летит в кастрюлю.
 А крока к нам спиной берет половник,
 размешивает вареву в сосуде.
 Варенье, может, варит. Мини-столик,
 витой, компактный, вазами уставлен.
 Увидев нас, она поправит гребень.
 Печаль ее спокойна и блаженна.
 Под столиком домашний птицеящер.
 И далее, у каждой свой анамнез.
 Есть герцогини в чопорных нарядах,
 в беретках с украшениями и в перьях.
 По мордочкам узнаете - ведь прежний
 народец любопытный, с бубенцами,
 и лапки птичьи как в японских гэта...
 Нет, никогда их не оденешь модно.
 Сиюминутны - мы, они - надолго,
 поэтому такие вот застежки,
 и сборки, рясы, и везде накидки...
 Все потому, что ты сама привыкла
 предельно просто – свитер и кроссовки.
 А кроки будто молча дополняют
 то, что никто по жизни не имеет.
 Конечно, ты заранее не знаешь,
 что хочешь рисовать, и вариантов
 кипение внутри, а на бумагу
 их попадает только половина.
 Самой тебе понравится так редко.
 И десять раз тоски приходы были,
 и десять кроков настоящих, десять.
 По опыту ты знаешь, что повторы
 Куда слабее первого наброска,
 Так каждая из них неповторима.

Реакция на них? Бывает лучше...

А здесь и никому не интересно.
 Бывалый журналист изрек, что нужно
 писать любые подписи для кроков.
 Но так, гипотетически. Другим же
 Так просто это нравится, без слова.

Уж я-то знаю, в чем-то мы похожи.
 И у тебя, и у меня одно главенство
 - смешная неприкаянность искусства.
 И был любимый в прошлом, а сегодня
 хранить святой огонь не удается.

От этого и невозможно бросить...
 Я знаю, ты художник. Изначально!
 Вот я не состоялась как художник,
 в заочном институте обучалась,
 и чашки обливные рисовала,
 портреты, карандашные эскизы
 на суд чужой когда-то отправляла.
 А ты свое возьмешь назло рутине.

О, книжки оформлять, бывает скучно,
 Все, говоришь, заранее известно.
 Конечно, ты не носишься с идеей
 и можешь рисовать все, что угодно.
 Легко дается - и это-то и грустно.
 Приходят, просят травяной орнамент.
 И стиль «модерн», а лучше под Бердслея.
 Лубок для деревенских прибауток.
 Еще бы - шевелюру, прядей вьюгу,
 в которой заблудился снежный город.
 Тут внешнее работает, не сердце.
 Они лишь только поверху искали,
 блуждая взором - ты уже все знаешь.
 Когда сама - получится загадка.

Хотелось бы придумать так рисунки,
 чтоб не они для книги, для рисунков
 пришлось бы сочинять повествование.
 Фантастику ли, сны, найти, утратить,
 Ну, в общем, подсознание. Чтобы автор

Напрасно не толкся в коридоре,
 который сам себе как штампы задал.
 А вдруг учтет редакцию - и дальше!

Наверное, подруга, ты осталась
 той девочкою с банджо и в сапожках –
 студентка просит милостыню! В чем-то
 тогда была сегодняшней - улыбкой
 на фоне бюста Пушкина, красивой,
 веселой, беззаботной, и туманной.
 Ты, говорят - здесь молодая Влади.
 Вот именно. На самом деле крока?
 Оно ли есть - твое? Пока что знаешь,
 что надо отрываться понемногу.
 О выставке ты говорить не хочешь.
 Но я, учти, так скоро не отстану.

Давно хочу себе зверей себе присвоить,
 которые увы, не подчинятся.
 Прекрасно. И никто не понимает,
 куда его ведет. И ты не знаешь...

Мне прошлое изрядно надоело.
 Я к будущему жажду обратиться.
 Мне надо, чтоб солидный академик
 писал моих поэтов (безкорыстно).
 Абстракционисты, где их связи с миром.
 Они же пишут только представление.
 Мне кажется, что эти бы портреты –
 ну те, что не напишет академик –
 поэтами в поэмах проступают.
 Чтоб все соединилось, понимаешь?

Ведь интервью не просто бормотанье,
 художников расспрашиваю в страхе,
 понять хочу творенья механизмы,
 тогда как это тайна мирозданья.
 Хотела, даже в книгу собирая,
 пересказать картины, понимаешь...
 Да у меня в рассказах то и дело
 любимые герои и картины –
 предметы рассмотренья... Да, конечно,
 художник - небожитель и работник...
 Возьмите же, да подружитесь молча,
 и догадайтесь, для чего явились.
 И почему все кроки сидя, стоя,
 И лишь одна внезапно полетела?
 Она взлетела - в дряхлой обстановке,
 затрепанном тетрадном листочке –
 сложила лапки брассом, брызги, ленты.
 Бог ведает, куда. Спроси об этом лучше
 приятеля, который освещает
 артистам сцену, также он умеет
 писать. И скоро он напишет
 те новые слова для лучшей пьесы
 которые они потом сыграют.
 И будут среди них бродить смешные
 из снов твоих тревожных гости. Кроки!

Ах да, о главном. Вызрела идея:
 хотела попросить для альманаха
 я что-нибудь такое... Ну, не знаю –
 расплавленные эллипсы над храмом,
 проросшие столы травой мелиссой,
 набухшие цветами пишмашинки...
 Да нет, сама придумалась. Согласна?

ТЕГА-ТЕГА
(интервью на радио)

...Как говорили мне - талант эгоистичен... А может, я сама и говорила?

Во мне есть молодое вдохновенье, всегда я умела быть одна, но также хорошо знаю, что молодая я очень нуждалась в подпорках, я буквально падала, как мне хотелось уцепиться за более сильного, более умного, более ироничного человека. У меня был выдающийся ироничный друг, много старше меня, конструктор, из которого может получиться очередной герой - директор в «Факторе». Он заставлял меня читать дневники Толстого и Швейцера, много переводил с английского, собирал редкие книги по искусству, но сам ходил в щетине и его унижала жена. Был у соседки по комнате богатый и умный сборщик, из которого может получиться Оврагин, но он был лысый бабник и никак не хотел ничего... читать. Был там музыкант, который понимал Иоланту, плакал над ней... но он брал от жизни все, и не давал ничего. В каждом было что-то, что нейтрализовало его сильные качества, сводило до нуля. Или я разочаровывала людей, или они меня. Сейчас я обрела опору под ногами, но тоска по более умному рядом осталась неутоленной.

И я понимаю каждого, когда хочется уцепиться за что-то, за кого-то. Каждый, наверно, хочет внутренне иметь пристанище, того, кто лучше. Я такое пристанище нашла. Могу звонить и говорить не дело. Хорошо бы конечно, сходить в фирму «Хануссен», у которой самые свежие данные по «Консультанту +». Но иногда хочется читать стихи и вот теперь есть люди, которые, несмотря на всякие свои проблемы, могут вздохнуть и настроиться на мою волну. Это так приятно. Это так уютно. Мне, бывает, нравится музыка, не музыка, а мюзак, а это ниже всех культурных рамок. Тогда даю шум волн, а собеседник тут как тут, уже на волне волны... Вы будете смеяться, но у меня существует своя «Поэтическая тетрадь», только она возникает

внезапно и для одного человека, которому я в данный момент звоню. Я пытаюсь догадаться, о чем он грустит, и стихи читаю созвучные. Нельзя впрямую - пусть будет временное пристанище сердечку. Умею быть таким пристанищем, да вот беда, время мое прошло и новая эпоха говорит новым языком.

Готова слушать и вникать, но молодые говорят - «не загружайся» - почему? Теперь не знаю, что такое «идти на работу в не таком (!) пальто», как плакала коллега, хотя я, правда, сама из-за этого плакала, но эти времена прошли. Там, в молодости, не было одежды, но там был юг и я шила себе платья за одну ночь. А тут дубленку не сошьешь за три лимона за ночь. Я понимаю, что всем нужна хорошая еда и хорошая одежда, и не могу ничего такого. Ни друзьям, ни детям. Сама живу неизвестно как. И дело не только в осеннем пальто, у меня его у самой не было и не будет, а у вас будет, днем раньше, днем позже.

Нам бы договориться не обнимать необъятное, а пространство организовать, хотя бы то, что есть... У нас уже много общего, это так сладко представлять и по жизни, и во снах. Книжки, которые мы делаем мизерным тиражом, поэтому они называются «серая литература». Припрятанные пачки писем, которые не превратятся в хлам, пока души наши будут стремиться друг к другу... У нас есть наш литературный клуб, где мы немного отрываемся от грешной земли и три часа - лишь царство слова. Ну как же могут разные такие люди вместе находиться? Тем более поэты, ранимые, жестокие гордецы. Тяга, тяга в печке, тяга друг к другу, тяга механическая или магическая, главное, чтоб она была, пускай не пропадает. А то у нас в Эртиле много было гусей у соседки, она их целый день гонит со двора, а под вечер упрут на пруд, она напугается и кричит - «тега, тега, тега». Мне казалось, что «те-га» и «айо-га» похожи, а ведь айога - это улетевшая от расстройства мать, ставшая птицей в нанайской сказке. И всякий раз, когда птицы радости разлетаются с нашего двора, мне хочется кричать «тега, тега, тега», не айога, по

тому что у Айоги был жизни человеческой конец, а здесь тега-тега, просто временное помрачение, и все еще можно поправить.

Думаю с нежностью о новеньких, об этих птенцах человечества, в них так много за-

ключено, что мне, между прочим, и голову не надо ломать, отчего люблю, да почему. Привет входящим! Их люблю заранее, даже когда они кричат на меня, что я нафталин... Потому что в них есть обещание! То есть даже то, чего сейчас нет, но будет потом. В них есть то, что может вспыхнуть и проявиться не со мной, но при моем участии, и я радуюсь, что иногда могу это.. Надо не забыть списаться с костромским оргкомитетом, у них есть адреса талантливых людей из наших. Найдутся!

Я же понимаю, что человек не кончается сегодняшним днем, что он изменяется во времени, и всякий этап не окончательный. Даже я не застыла еще, я дожила то такого момента, когда, казалось бы, неохота жить, усталость, уйдите все от меня... Если бы мне сказали, что вот буду делать велосипед в воде, расхохоталась бы в лицо, но вот ведь делаю же. Точно также я когда-то хотела бросить наш литературный клуб, а потом не бросила, и вот ему тридцать лет. Не только во мне тут дело, но я тоже не дала ему сгинуть, когда от меня зависело, а это так здорово. Как сказал мне Анчаров когда-то? «А ты не учи, не умничай, ты отогрей человека, он, отогретый, сам додумается». Додумались некоторые...

Людам вечно кажется, что они умные, вот и пользуются любовью как капиталом, а ведь это не их дело, что снизошло-то. Не их заслуга, а они распоряжаются. Вот и я однажды возомнила, что могу управлять, и сломала нежную огуречную плеть. Ничего я не могу, ничего. Ни каналы общения создать, ни просто погладить по щеке, так, чтоб не покалечить. «Дрезина» - сказали мне однажды. Говорят, дрезина может даже поезд свести с рельсов, не то что одного человека. Поэтому каждый четверг сажусь на телефон и вывожу свое «тега-тега-тега», зову гусей. Пусть не думают, что про них забыли.

ПОБЕДЫ ПОБЕЖДЕННЫХ
(простодушный дневник)

На мастер-классах раньше я бывала
и потому не трусила нисколько,
но никогда такого не случилось -
среди светил однажды засветиться.
В литературных битвах закалившись,
усталыми улыбками ободрив
свое разновеликое собрание,
они нас раззадорили на дерзость,
подзуживали крыть авторитеты,
быть с ними вровень просто позволяли.
Шутил и мастер: «Понял я, что надо
лишь формуле последовать простейшей,
«загруз и наворот», а дальше «кайфа»
достигнет наш задумчивый читатель.
Я лезла первой в пекло, мне хотелось
догадки доморощенные сверить
с блистательными выводами мэтров.
О господи, я в точку попадала!

На третьем, ли, четвертом семинаре,
где к опусам моим сошло вниманье,
я так же точно все критиковала,
в своих рассказах находя отсталость.
Я видела, что мэтры одобряли,
мой пыл и юность сердца принимая,
однажды переглянулись с улыбкой
и то, что не в союзе как случайность
чистейшую уже определили.
Но это было так, совсем попутно.
Я в шоке от чужих идей и стилей,
без усталости хотелось удивляться -
неужто столько родина не слышит!
Хоть в родине нуждается не всякий...

Иные счет вели не по открытjям,
а по утекшим в нети декалитрам.

По снегу без пальто бежала в корпус,
крича «ребята, принята, спасите!»
Но корпус мне и эхом не ответил,
а в номере, столь памятном по двери,
которую выламывали дважды,
спал пьяный двухметровый романсеро.
«Зачем же так? - захлебывалась в плаче, -
тебя искал твой мастер, все хвалили,
для радио твои просили песни,
ну что за дурь такая, ненормальный!»

Искала я стихи его по лавкам,
по тумбочкам, за жаркой батареей,
и не могла понять - такой громила,
устанешь укрывать, двух пледов мало
от кончика австрийского ботинка
до пальцев умирающей античной
руки, что продолжением баллады
простерлась, стиснув пальцами гитару.
Ну как такой огромный, кареглазый,
немыслимо талантливый, щемящий
чего-то может в жизни испугаться?

Ведь менестрель не просто стихотворец,
еще и рыцарь он пера и шпаги,
и доблестный защитник самых слабых...

Я говорила это и другое,
на бред сбивалась, вся в недоуменье,
пыталась достучаться до колоды,
в которую наш гений превратился.
И гладила по угольноволосой,

такой бессобразженной, хулиганской,
поэтовой безумной шевелюре.

Глотая дым отечества как рюмку,
я уходила дальше, спотыкаясь,
оглядываясь за спину годами.

Я что хотела? Чтоб он встал, поздравил
и поделился водкой, что не допил?
Но он все это просто презирает,
не любит реверансов, славословий,
И в знак протеста превратился в камень,
с которым ничего нельзя поделать.

За пазухой я камень уносила,
который руки жег через одежду,
запахивая ворот поплотнее,
чтоб камень вдруг не выпал ненароком.
Лелея боль, которой стала нега,
я понимала - вдруг окаменею,
И ничего тогда не сохранится
от тех минут, что жизни драгоценней.

ЭЗОТЕРИКА (из протокола)

Так бывает - вдруг как туча накрыла! Тяжко вздохнуть, все красные, злые. заспорили, закричали из-за каких-то неудалых строк. А он тихо сидел в углу в своем просторном легком плаще. Худой, колеблемый: И при этом еще говорить о любви к людям! И не любить Господа!.. Я люблю Его и потому принимаю все, и вас принимаю - всех. Мы зачем пришли? Чтобы прочитать и вбить крест? А я думаю - нет, для того, чтобы родилось новое...

И словно ветер пронесся по листве у Тарковского в Зеркале! Шелест, тепло, тревога недоумения. Самый крутой прокоммунист встал, и, сверкая лысиной, пожал ему руку.

Когда он пришел к нам в первый раз, эзотерик, все развернулись ему навстречу как лепестки. Все поняли, что это новая система отношений с миром. И зауважали. Я начала печатать его эссе. Там было много наворотов, но огромное количество любви примирало меня со скачками в пропасть мироздания, цитатами из восточных гуру и полным сюжетным беспределом. Все это было густо посыпано звездами. Я всем говорю - вычеркиваете звезды, нельзя, перенасыщение. Нет - не могут. Из-за этих звезд хорошие тексты приходится выбрасывать...

Я удивилась эзотерику и повела его в тюрьму. Я отдаю тюрьме лучшее, что у меня есть. Женщины, убившие отцов и любовников, окружили эзотерика плотным кольцом! Они заглядывали ему в глаза, гладили руки, трогали его белую одежду, он был в белых джинсах и белой широкой футболке... «Скажи, вселенская любовь лучше простой?» «А Паустовский - эзотерик или так просто? А Грин?» «Я читала «Розу мира»! Не веришь?» Эзотерик улыбался и говорил, что их тюрьма не страшна, они выйдут, а вот его тюрьма познательна, внутренняя несвобода... В красном уголке для рецидивисток царило ликование.

Эзотерик обещал мне много денег на мой альманах.

«Не волнуйся, если ты ХОЧЕШЬ, деньги появятся.

Бог услышит тебя. Я когда хотел поехать в Индию, мне просто принесли 500 долларов на хранение. Или я найду для тебя. Ведь ты сама гуру,

только не знаешь этого. Ты сама - безумная слепая любовь к людям». Я поверила.

Потом он пришел с цветами и попросил написать маленькую справку. Он вошел в новую фазу и начал писать феерические картины. А на него гонение на работе. Ему нельзя прерываться. Я и написала, что эзотерик человек в высшей степени, всю жизнь занимается просвещением и самосовершенствованием, все что может, делает для людей. И распечатала на мелованной бумаге с печатью.

Потом мне позвонил очень злой человек из конторы. Он десять раз переспросил ФИО, громко очень, потом вдруг замолчал. «Вы здесь написали, что он все отдает людям. Что он отдает?» - « Душу», - сказала я гордо. И рассказала про тюрьму, про белые одежды...

«Уважаемая такая-то. Он вам лично давал что-нибудь?» - «Да, он дал денег на альманах, две тысячи», - почему-то соврала я. Конторский человек захохотал. «Он ставил людям телефоны, а деньги брал себе. Вы понимаете? Он квартиру купил, два мебельных набора. Машину». - А телефоны? - Да, ставил телефоны, но машину и все остальное - себе. А вы говорите альманах! Да как вам не стыдно. Вы никогда не пишете больше таких бумаг, поняли? Только пугаете следствие».

Тюрьма. Белые одежды. Бог услышит! Он услышал. Эзотерика наказали условно. И я думала, он придет, и опять прекрасные разговоры, летящее состояние... Но вскоре ко мне пришел другой старый приятель и попросил написать небольшую бумагу. Лучше с печатью. Что я ручаюсь за его честность и все такое. Его обманул партнер по бизнесу, а в тюрьму он сейчас не может, он женится... И лучше на мелованной бумаге...

РЕКЛАМНЫЙ АГЕНТ (сон наоборот)

Утро. Все бегут, раздеваясь по лестнице и вдруг как вкопанные - объявление по радио. Директор центра отменяет планерку. Коллеги с облегчением кидаются к работе. Обзваниваю школы, чтоб классы шли на выставку и сразу же заявки на мультимедийный диск по Возрождению.

Но тут идет директор с гостем, объясняет, что договор аренды потребует и моего участия. А гость - коммерческий директор фирмы "Ликво" - ликероводочных напитков. Смотрю, а это брат друга Мишки, еловинского автора. Он виду не подал. У пальмы срочно делают засаду, поставят кинокамеры. А рядом с витриной новых книг - маленький бар. Я сижу, ко мне приходят поэты, мы заумно рассуждаем о рифмах, а в это время оператор ненавязчиво снимает бокал с настойкой, чтобы он стоял как раз на стопке рукописей. Я говорю - да сколько можно, ведь поэтов и так считают насквозь пропитыми, ведь люди будут просто хохотать. Какую тут культуру воспитаешь? Они мне - успокойтесь, мы на это и рассчитываем, это же недолго, эксперимент. А как же мой компьютер? Представьте, рядом с принтером настойка, верстаю все неправильно. А Ликво мне - вот проходимец выпьет всю бутылку и свалится (он знает проходимца, ведь тот знал с Мишку), а вы, как человек культурный, только пригубите. Наоборот, к вам понесут заказы...

Действительно, сначала сидит оператор, потом налаживает все, камера сама снимает. Я повесть пишу про старика Ромео, на камеру уже и не смотрю, ведь это мне не мешает, я только о повести думаю. Откуда они знают, что я пишу? Может, план работы под пальмами.

Литературный клуб отдельно получает две бутылки, все важно рассуждают о гиперболах, метафорах, а проходимца даже не пускают. Директор центра, кажется, доволен, он получает славную аренду.

Два месяца идет реклама "Ликво" - всего лишь по минуте, а народу ходит втрое больше. Заказы понесли.

Вино мне надоело, ужас, но каждую неделю несут в конвертике проценты. Домой я покупаю сахарный песок, чтобы потом варить варенье.

РОСТ ЗАМЫСЛА (файл)

Сегодня очень жарко обсуждали
мой черновик художника. Покамест
сложился лишь рассказ листов на сорок.
Начало на уроке физкультуры,
конец - постельной сценой в лыжной базе.
Сказали: очень длинная раскрутка,
зачем все эти тетki вереницей,
которые предшествовали лучшей.
Ведь если смысл в романе с малолеткой,
не надо слишком длинных предисловий.
А краевед сказал, что все же надо.
Без предыстории парень непонятен.
Авангардист опять хвалил поэта,
который как бы в авторе, незримо.
Диспетчер обратил свое внимание
к портретам: дескать, в девушке все ярко,
а выставки как фон не помогают,
а выглядят вставными номерами.
Седой смешливый критик, упирая
на долг тусовки против правды жизни,
отметил, что помимо женских жалоб
тут есть попытки в чем-то разобраться.
Поскольку автор как-то отделился,
герой лишен нитья и фарисейства.
Студентка в белых брюках презирала,
газетой шелестела все занятое.
Увидела за текстом лишь мешанство,
семейные альбомы без полета,
романов производственных осадок,
истории любви там нет в помине.
Но вдовушка доклад читала долго.
Что может быть, как очерк и стодитя,
но где высота мысли, где идеи?
Мол, творчество и страсть несовместимы,

не надо путать божий дар с лапшой.
 (А краевед сказал, что бесполезно,
 без тела никаких идей не будет).
 Ведь он повязан низким, тяжелой страстью,
 И в высшие слои никак не выйдет.
 Шумели очень долго, и наверно,
 Так было б скучно - копы не ломали б.

Я думала, что зря его отвергли,
 живой он получился, мой Герасим,
 зависимый, конечно, от великих,
 но и свое пытается построить.
 Еще сильнее он от греха зависим,
 от девочки, но не животной тягой,
 и вовсе он ее не опозорил,
 наоборот, делился всем, чем можно,
 потерянный покой - цена инаким
 приобретеньям, опыту и чувствам.
 А то, что он совсем не знаменитый,
 то это явно опера другая.
 В нем суеты поменьше, чем у прочих.
 Что ж, надо разворачиваться в повесть.
 А замереть на судорожных ласках
 На лыжной базе будет несерьезно.
 Да это ведь начало, в самом деле,
 и пропасти, и взлеты лишь задеты.
 Мотается мужик по старым семьям,
 по детям, а они с него и тянут,
 и заставляют жить в режиме дани.
 А рваться между творчеством и чувством —
 конфликт давно известный. Что же нужно?
 Писать, но вариант себя продумать.
 Себя, а не его сжигать в горниле.
 Перед собой быть честной — натворила?
 К себе, но настоящей повернуться.

В Герасиме как будто ненароком
зажжен однажды свет неугасимый
и небо спешно посылает силы
которые его по свету несут
Он потому так яростен и страстен,
что знак ему художником родиться..
Да только силы те небесные потратит
не на холсты неукротимый грешник,
а на слепое обожанье тела,
и потому потерпит наказание.

Пожалуй что и мне остановиться
пора, уйти от бесконечных скачек,
ночей бессонных и метаний зряшных.
Пора понять - неумолимо время,
и все скорей сужается воронка
ведущая в другое измеренье.
Еще немного и глаза ослепнут
и пальцы дрогнут над клавиатурой,
не в силах ключевое изречение
как следует пронзительно закончить.
Так что же гонит? Я сама не знаю.
Инерция ленивого сознания,
физическая боль, нужда, усталость,
презрительная чиновничья жалость?
Ну все... Умыться и скорей за дело,
которое и лечит, и калечит...

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ
(воскресное чаепитие)

Айда за стол, обеденное время,
беседовать в прихожей мы могли бы,
хотя подумай, супчик ароматный,
обжаренные с луком фрикадельки...
Ты, вдовушка, конечно, изменилась.
Ты раньше все любила понемногу,
особенно соленький огурчик
с прилипшим чесноком или укропом,
а нынче отвергаешь непреклонно
любое мясо, банку с маринадом...
Блинов не хочешь? Очень много теста.

Вчера еще писала ты мне письма
листов по двадцать. Письма приходили
все в основном сочувственные очень,
и мощные, и именно в моменты,
когда я в них особенно нуждалась.
И я тебе пространные депеши
Писала километрами – ты помнишь? -
собака приносила прямо в ванну,
читая их, ты плакала зачем-то,
и важностью проблемы заряжалась...
Сегодня мы ни письменно, ни устно
Общаться не способны. Нет желанья.

Мы помогали в черные минуты
друг другу одинокие годами.
Поэт машинотракторного центра,
которому я правила подборку,
в те дни активизировался очень,
грозился перебить все окна в доме,
и в суд подать. И на своей работе

под пальмами от страха я дрожала,
 купила даже газовый баллончик...
 Тогда твое письмо ко мне летело!
 Волненье, блеск, водовороты в мыслях.
 Неделями баюкала листочки,
 "зачитывала" их до промокашек...
 Смотри, они теперь хранятся в папках
 как пыльный отпечаток нежной дружбы.
 Теперь, едва друг друга замечая,
 бежим свернуть в любую подворотню,
 Но лишь бы не столкнуться, не увидеть.
 А раздраженный голос в телефоне
 легко прервать, лишь дернув выключатель.

Порой грозили бедствия и хвори,
 и втапывали в землю. Начиналось
 очередное злобное гоненье
 с лито, с работы, все равно откуда.
 Когда кончался жар сопротивленья,
 быть доброй к людям так надоедало,
 тогда их приносили почтальонки,
 те письма стромодные, большие,
 сварганенные на машинке старой,
 без всякого компьютера. Ты, верно,
 печатала их долго и курила...
 Зачем так много курева? Волненье?
 И чтобы сконцентрироваться лучше? -
 Прихлебывала черный вязкий кофе
 без сахара - стучала, и стучала.
 Небесный телеграф за облаками,
 немыслимо, усиленно работал...

Сегодня даже имя вслух пугает,
 не то, что письма. Рваная газета,
 услужливо мне поданная кем-то,
 твою заметку содержала. Уверенья,
 что ты одна явление. Наверно...

Еще вчера! Как быть могло бы вечно!
 Вернемся же к листам бумаги желтой,
 к насыщенному бурному общению.
 Там были не одни слова и мысли,
 ты создала прекрасные рисунки.
 Ни выюги, ни белья, ни сковородок,
 ни рукописей, ни сердечной бури
 там не было. Но ты изобразила -
 не мелочи, а сущность - надбытийно,
 что не "потом", а "прежде". То начало,
 что сотвореньем мира называют,
 поистине ребро Адаму - Ева.
 Для графики такой приличней было
 все заново писать и по-другому,
 и библию попутно открывая!

То сотворенье мира беспредельно.
 Присвоить - не осмелилась... Ну, как бы...
 Твой образ на бумаге был подарком,
 который для меня глобален слишком.
 Сегодня мне не надобно и даром
 подобной отвлеченности, излишне.
 Вчера еще - я снизу вверх смотрела,
 не в силах это вымолвить. Сегодня
 я говорю - не вышло диалога.

Я лишь бытописатель, ты - эпична.
 Масштабы наши несопоставимы.
 Вчера ты восхищалась, что живу я
 не для себя. Что сделала так много,
 пространство создала, в котором могут
 развиваться неожиданно таланты.
 Но что случилось? Нынче все иначе.
 Сегодня ты считаешь, я душитель.
 Хотела ты приехать в этот город

не потому ль, что здесь вспахали почву?
 Казалось, будет все результативно,
 светло и вдохновенно... И на деле
 Ты написала два больших романа,
 стопу статей. Вдобавок столько планов...
 Не знаю даже, что умеешь лучше –
 романы ли, эссе... Хороший критик
 читать умеет быстро - ты умеешь.
 Вчера тебя хотела напечатать,
 а вышло все чудовищно. Альбомы
 твоих рисунков графики, с любовью
 готовили тебе к дню рождения –
 скупил ты, чтоб их никто не видел.
 Я так смешна с тряпьем коммиссионным.
 Сегодня ты сама крутой издатель,
 Мне книжку у тебя не напечатать -
 она не по зубам, не по карману.

О да, я клею страшные макеты
 и ножницами криво вырезаю,
 Пейдж Мейкер не работает, бедняга,
 компьютер маломощный зависает
 и файлами графическими медлит.
 Он куплен для забавы и бирюлек,
 для сидеромов, где ему запомнить
 все книги, что сидят на жестком диске.
 Ну, где же мне дожидаться новых техник,
 когда поставят пейдж! Его не будет.
 Поэтому вручную, плохо, криво,
 но все не пустота, не неподвижность...
 Ждать помощи мне неоткуда, знаешь,
 все выдано до нас - для патриархов...
 Ждать помощи от мэра, президента,
 от спонсора, от друга - та же дикость.
 Сказал же Искандер, что он не нужен!
 Сказал он про себя, но всем подходит.
 Возможно, я суюсь, куда не просят,
 а книгами чужими занималась,
 поскольку как писатель не сумела
 создать свое значительное. Да уж.

Талантлив кое-кто до безобразья,
сказал уральский умник и издатель.

Так я тебя мечтала напечатать!

Сегодня ты вернуть велела папки.

Я суток двое в кучу собирала,
все то, было послано за годы.

Их многие, конечно, прочитали.

А дальше что я, право же, не знаю.

Сегодня пишешь критику, отлично,

Умно. И критика всегда нужна, конечно.

Вчера пространство, Стейнбеком начавшись,

кончалось юной порослью. Как явно

“вчера, сегодня, завтра” мне казались
равно просторны, мы же были рядом!

Вчера я шла к тебе смывать побелку,

моргая от цемента и презренья

(я вечно лезу с помощью некстати)...

Ты говоришь, что более не станешь

рутиной заниматься, разумея,

что ей другие будут заниматься...

Кому тащить веденье презентаций,

и в спешке комстролировать сценарий бала,

Как зримым сделать текст, что зашифрован?

Ведь книжный текст пока внутри, в бутылке.

Стояла ты на сцене элегантно,

вся черном. Как послу, я выдавала

тебе, дрожа, огромную гвоздику.

Рутиной занималась я годами.

Ничем великим. Но зато честнее.

Великое сама, небось, напишешь.

Про экспериментальную вещицу
 Ты бросила презрительную фразу
 Чтоб я ее немедленно забыла
 как величайший стыд всей жизни. Мемуары?
 Перед тобою вянут мемуары.
 Тебя вдруг осеняет моментально,
 что хамка я по жизни и по текстам,
 и никогда не сделаюсь скромнее.

Мне говорили, я напоминаю
 дрезину, что гремит узкоколейкой,
 любого перееду, даже трупы.
 Как жаль, не при тебе, ты б согласилась,
 еще и от себя прибавила б эпитет.

Вчера ты одобряла всю программу.
 Сегодня прямо противоположно.
 Ты мной разочарована? Прекрасно.

Смотри, совсем растоптаны те люди,
 которых я открыла, чтоб печатать.
 (на них уже стоит печать союза).
 Хотела им помочь - подвергла риску.
 Поэтому сегодня партизаню.

Ты ешь пока блины, вскипает чайник,
 вот слабое домашнее повидло,
 его сварила я из дачных яблок,
 когда их очень много уродилась,
 а сахару, конечно, не хватало.
 (Берет с воротником такой связала -
 художники позировать просили).
 Вчера ты говорила, что любая
 важна тебе - в чулках и без, лохмотьях,
 что с прозой, что без прозы, безразлично.
 И если ничего писать не буду,
 то станешь ты ходить со мною в церковь.
 Не что там церковь! Нам и город тесен.
 Обещанный субботник отменяю.

И если ты травмирована мною,
 убожеством всего - пора на отдых.
 Вчера ты знала - я твоя поддержка,
 сегодня, говоришь, что я предатель.
 Вчера ты явно жаждала общения -
 Сегодня мы покинуты друзьями.
 Сегодня ты являешься с подарком,
 все происходит так, как я боялась.
 У вас ремонт наверное, в разгаре,
 розетки ставят бело-золотые?
 Зеленый кафель, плитка итальяно
 в огнях, как та усадьба в кинофильме.
 а у меня все скученно и скучно.
 И занавески клетчатые те же,
 и лампы на торшере все в заклеях.
 На стуле недошитая, в горошек,
 та юбка, а машинка поломалась,
 руками доведу, как те макеты.
 Еще хочу я сделать бутерброды,
 простые бутерброды из батона...
 Я говорила, нужен суп, как воздух.
 Ты видишь эту лодку на картине?
 Она плывет в воде и прямо в небо!
 Дрожат, переливаясь рябью, волны.
 И в серебре уключины, и в звездах .

Вот так хотелось - от земли да в небо.
 Душа упрямо требует чего-то,
 что вряд ли умещается в натуру.
 Поэтому о будущем не будем.
 Печатаешь ли ты эссе на конкурс?
 Рассматривать в Берлин его отправим.
 И пусть его освоят единицы,
 читатель будет избранным... Прощай же.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРЦА
(воскресное чаепитие)

Лукавая приволжская ленивка
остротами всю область услаждая,
(теперь не только я трясусь от смеха),
ты, новостную ленту прочитавши,
в рекламе умоляешь дядю шефа
с работы вон отправить секретаршу,
с джин-тоником мечтать о новом кресле!..

О, истинного чувства отголоски!

Была бы у меня такая мебель...

Сегодня мы тобой устроим праздник.

Да ничего, что денег нет, - неважно,

болтать по-человечески мы можем.

Начнем с того, что есть один мужчина...

Да перестань, совсем не в смысле пола.

Здоровается - "царь!" - вещает громко,

закладывает уши с непривычки.

Комиссия придет с ним небольшая -

девица из торгового отдела,

и менеджер по оптовым закупкам.

О, любит он эпически покушать!

Я для того к тебе пришла, послушай.

Что денег нет - давно уже известно.

Дает он триста на покупки в магазине.

Берем болгарский перец, фарш, приправы,

отборных овощей и помидоров,

Конечно, все по чекам и с печатью,

Устраиваем пир, и он приходит.

Попробует того, сего, оценит,

потом, по окончаньи этих пиршеств,

включенье в конкурс признанных хозяек,

а там в награду всякие комбайны,

сервизы и сюрпризы сервировки.

Что думать тут, когда твой холодильник

Как... понимаешь... скошенное поле.

Почти согласна ты. А вот и деньги.
 Так вот, я продолжаю. Моешь перец?
 В начинку мы добавим мясо птицы
 Шинкованные овощи, "подравки",
 А если не поместится начинка,
 нафаршируем так же помидоры,
 с грибами, да зальем сметаной толсто.
 Ты что там написала про передник?
 Что утром ты с блинами выплываешь,
 А на тебе повязан лишь передник?
 Да нет, не для царя, а для рассказа.
 Наш царь блины не любит, к сожаленью,
 Нам секретарша быстро пояснила,
 что он не переносит также рыбу.
 Ты дай рассказ мне, кстати, он на сборник
 Вполне потянет, до чего фактурный,
 а в роли диалога - наша жажда
 сплошного понимания и счастья.
 У нас одна из клуба романистка
 Решила пошутить с царем немножко.
 Сготовила она гуся в духовке,
 С начинкою и назвала «Терешкой»,
 Встречать же вышла Бабушкой Ягою..
 Увидел царь и на лице сменился.
 Потом до слез смеялся, он с простыми -
 ну прямо Ленин в сцене с ходоками..
 Тебе-то что сей факт напоминает?
 Не то ли, как мы сами ходоками
 пришли пугать столпа родного края?
 Да что ты ржешь, вообще не понимаю,
 Роняешь терки в раковину громко.
 Включи духовку. Будет разогрета.
 Сметана где? Ты помнишь, как давненько
 Устраивали мы гулянья наспех?
 Кричали дети, надсажался видик,
 там, кажется, с шестами раздевались,
 работали на совесть героини.
 Из этих сценок триллер получился б.
 Тебя поставлю в сборник, ты не против?
 А повесть постепенно редактируй!

И вовсе не шучу я, где мне, серой,
 До всех твоих приколов, дорогая.
 Я тоже презентацию жаркого,
 Недели три назад сама свалила.

Духовка так застенчиво коптила,
 что курочка, несчастная, замерзла,
 а после доставали - чуть не на пол...
 Поймали этот противень, как в клипе.
 И курочку в вине наш царь отведал,
 сказал он только, что "концептуально".
 Да это так, самим припомнить легче
 былые наши пиршества при средствах
 и молодые жаркие беседы!..
 Пускай и царь, ведь нам словес не жалко.
 тем более общенья. А в беседе
 я поняла, что никуда не годны
 все наши тексты с точки зренья массы.
 Все пишем нудоту, о прошлом сопли.
 Продать такое людям невозможно,
 хотелось им бы радости, любви,
 побед над неудачами, над хворью.
 Поскольку жизнь для них одно расстройство,
 надеются они на утешенье.
 А у тебя намного больше шансов.
 настолько ты задорна по природе.
 Уже доходит? Имя "царь" - не кличка,
 издатель он, большой книготорговец.
 Я многое пыталась переделать,
 пока же три рассказа есть, не десять,
 таких как надо. Царь бы дал на книгу...
 Пока же презентация для перца.
 И эта сублимация мясная
 должна нас поддержать в большой работе.
 Что вертишь у виска? Кончай намеки.
 Смешинка в рот попала? Можешь лопнуть.
 Духовка уже выключена, видишь?
 Не то чтобы продаться, а подходу
 разумному пора нам поучиться -
 тому, на что мы свысока смотрели...
 Звонят, не слышишь, что-ли?
 Царь приехал.

ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ
(реплика на вокзале)

Такого не видела, сколько ни ездила,
и не понимаю такого обычая -
когда вызывают, дружочек, на подиум,
тебя поздравляют и кажется надо бы
всего лишь прочесть то, что раньше написано,
и это для всех как души откровение,
то ты говоришь, что не хочешь позориться,
что словом подавишься, голос срывается,
и пусть понимают глазами печатное.

Ну что ж, удивительно для литератора.
Тем более ты, на природе воспитанный,
в среде невраждебной и очень естественной.

О души простые, что ждали внимания,
однажды его получившие - в ступоре.

Наверное, время нам выпало жесткое,
привыкли к тому, что слова наши выключат
в том случае, если кому не понравятся.

Не слишком ли долго молчали, товарищи?

Обычай общаться, похоже, состарился.

Так очень не скоро продвинемся к общему.

Не просто пастух с дальней выселки, - мыслящий!

Слагатель старинных историй и песенок,
до слова допущенный, значит, возвышенный.

И эти подруги в кружке по писательству,
страдают такую же странную немочью,
как будто в подполье приходится выстоять.

Ну, девочки, знайте, у вас же есть школьники,
и глядя на вас, привыкают неправильно.

И скромность подобная вряд ли достоинство,
а просто черта всех лесных обитателей.

Вот вы не поверите. Выросла в городе,
отнюдь не являясь какой-то артисткою,

на публике рта открывать не осмелилась,
гитара одна и спасала при случае.

И чтобы про вас рассказать населению,
пришлось побороть свои дикие комплексы,
не я - так остались донныне в безвестности б
и ваши, и многие стихосложения.

Теперь, когда видимся мало и редко мы,
я вас вопрошаю - неужто из леса мы?

Неужто хрустальные эти мелодии
угаснут, как узники, в нас, оболваненных?

Запомнится навек молчанье поэтово
в лесных отдаленных захвоенных зарослях -
победа досталась ему в зимнем конкурсе,
еще открывавшем таланты глубинные.

Вокруг потрясались тоскою молчаливою -
он будто стыдился, нарушив молчание,
как будто обжегся вниманием публики.

А служит в лесничестве, пишет давно уже.

Писатель московский проникся, поддерживал
и письма писал, комментарии тонкие,
а я предложила издать ему книжечку,
на что он ответил - девать ее некуда.

Затем что в сторожке из старого дерева,
где нет ни тусовок, ни просто внимания,
ему все равно, где хранить сочинения -
что на обороте заявок в лесничество,
что стопочкой книг, запыленной и жалобной,
прикрытой газетой вчерашнего праздника.

Есть диктор - она неплохая рассказчица,
еще - пародистка - однако, ленивая.

Прошли уже годы, забылось известное,
и рукописи постепенно забудутся.

На дно водоема утонет и пламенем
сгорит, что написано было хорошего.
Забытый Даров, что издательство первое
и провинциальное создал для города,
он папку оставил, которую бросили,
и вовсе забыли без тени смущения.

Отцы говорили, что станет он Гоголем,
так не догадаться теперь, все потеряно.

Вы знаете, эта тоска неумная
летает за мной, точно птица без гнездышка,
моя нерожденная рукопись канула,
как будто бы листьями с дерева сорвана.
Застыну подчас в изумлении Плюшкина –
да можно ли все сохранить нерастраченным?
Пока собираю чужие рассказы –
мои увядают в компьютерной небыли.
Послушайте, плакаться можно неистово
о вдаль уходящем народном наследии,
о том, что духовность сдалась девальвации...
Никто и не спросит портрет поколения,
который писался десятками, сотнями,
всю жизнь ужимая в новеллы и повести.
Два тома конспектов, что собраны, набраны,
теперь как консервы, читайте лишь в очередь...
Работа по сбору как будто закончена.
А дальше - сироту - неизвестные гении,
вы вспомните, люди, зачем вы работали?
Как помните вы о своем назначении?

ПУСТЫЕ ХЛОПОТЫ
(простодушный дневник)

На встрече для районных книголюбов
 прошел на первый ряд для журналистов,
 фиксируя вопросы и ответы,
 пощелкивая фотоаппаратом,
 сверкая независимой улыбкой,
 подкидывал для публики приколы,
 а после встречи холодно знакомил
 меня и заводного мецената,
 которому я клятвенно решила
 доказывать любовь к литературе,
 две дюжины глубинных самородков
 к печати непременно подготовить,
 и в том числе, конечно, романсеро...
 Он только улыбнулся, презирая.
 Вольно же было добрым представляться,
 разыгрывать Петрушку для богатых,
 в то время опалило жаром щеку,
 повернутую боком к интригану.
 Моим он наслаждался унижением,
 заране рассчитав, что не отрину
 любую, даже мизерную помощь,
 и это будет стимулом к работе.
 Сердечко колотилось прямо в горле,
 пока я приседала в реверансах.
 А провожая ночью, у вагона,
 заставил попрощаться всех со мною
 цветами-шоколадом. Напоследок
 все десятеро стали целоваться.
 Прищурившись, смотрел, как я краснела
 и снизошел свою печать поставить,
 когда уж поднималась на подножку
 под карканье вокзальных объявлений.
 О боже, в мегаполисе и смоге,
 меж сальных фонарей, в мазутной дымке
 мальчишеская шея, будто в соснах,
 смолистым ароматом закружила.

Работа явно двигалась к финалу.
 Упорно разрасталась груда текстов.
 Трудилась я, как негры под бичами,
 узнала типографские условия -
 и полетели письма к меценату.
 Увы, его и след простыл. Нежданны
 ни подлости людей, ни пустословье.
 Мой альманах грозился тихо сгинуть.
 Писала и звонила. Романсеро
 тогда лишь восходил на горизонте,
 когда очередную небылицу
 публиковал в желтеющей газете.
 Ни слова о стихах. Не знаю, сколько
 возникло у него их, только сора
 для этого с лихвою доставало.

Скрепив себя, посыпав челку пеплом,
 решила я по новой побираться,
 а это повлекло изгнание музы,
 электропробки этак вылетают,
 когда пробой в сети и перегрузы.
 О муза, как бежит она расчетов,
 угодливого к деньгам отношенья,
 как бесконечен плач ее над бездной,
 заштопанной простою авторучкой.
 Ничто ее тогда не остановит,
 сиди хоть на пшене, хоть на пшенице.
 Но сделай только шаг к имущим средства -
 упрешься в пустоту, как черепаха.
 Пока я бормотала и молила,
 такая пустота во мне разверзлась.

Под пальмой пожилою на работе,
 я наблюдала дождик на аллее,
 завидовала бурному теченью

асфальтовых потоков полноводных -
 таких бы мне потоков красноречья
 для моего квартального отчета!
 А в это время средь берез и елок,
 насулено взирая на таблички,
 вышагивал в штормовке фестивальной
 слоном промокшим дикий романсеро.
 Куда мне? Я под стол, за шкаф метнулась,
 где он меня с успехом обнаружил.
 И чтоб сломить мое сопротивление,
 не стал он рассыпаться в комплиментах,
 напротив, посмотрел мои отчеты,
 повел бровями. «Чудище масскульта,
 шаги на книжной ниве одобряю».
 И расписался, где всегда директор...
 А дальше шли подробные пасьянсы
 из влажных мятых рукописей новых,
 с учетом женских воплей критиканских,
 с суровым философским отстранением.
 Вот праздник! Будь он проклят, алкоголик!
 Неужто просветление находит
 на тех, что уж концы как будто отдал?
 Немыслимо, неведомо, нежданно.
 «Я потерял тем летом на вокзале
 все рукописи, что тебе не отдал.
 А знаешь, вспоминать их - скрип зубовой.
 Немного есть и новых. Где гитара?»
 И понеслось, и ухнуло, и взмыло.
 Да что такое? Кроме молний мысли
 подтекстом плотнооблачным и горечь,
 и даже опьянение прозренья.
 Да, перед новым сильным поворотом
 пора запечатлеть на память вехи...
 Пока очнулась, вирши разбирая,
 он ускакал на свой дурной автобус.

Он у меня не спрашивал согласья:
 а буду ли я этим заниматься,
 а вдруг да я обиделась смертельно
 и выброшу в уборную поэмы?
 Подлец самоуверенный с кудрями,
 пропитанными соснами и небом,
 конечно, попадавший в переделки,
 но все не в Переделкино. И ауг!
 Опять публиковал материалы,
 чтоб надо мною стали потешаться...

Но тут я вдруг припомнила - а вечер,
 задуманный под сводами собора?
 Ну кто туда придет из настоящих
 возвыситься прекрасным русским словом?
 В затоптанный фольклором палисадник,
 в который ссохлась местная культура.
 Нет, надо всех созвать вот в Белом зале,
 где выставить хотят людей гончарных,
 и ткачество цветастое в полоску,
 и росписи, и море льна да кружев.
 Пускай туда ворвется романсеро,
 на парня из деревни не похожий,
 и пусть его богемные собратья,
 горланящие стих в кафе-шантанах,
 и те, кто любит шокинг хип-хопа,
 и чувственные сексо-манифесты,
 и рокеры, разбившие в осколки
 родную речь и собственный рассудок,
 и девочки в сумасводящем блюзе,
 и сеятели пыли во вселенной.
 Зачем морочить голову, связуя
 столь разное, что гордо существует
 без всякого наукопозволения?
 Да здравствуют все жанры и теченья!
 Пускай бы прогремел не просто голос,

а целый хор не слаженный, не спетый,
 чтоб сердце разорвать на диссонансах!

Чтоб водопад литературной толщи!
 И тексты набивать, горя от счастья,
 я бросилась в издательском запале.
 Красиво жить никто не запрещает,
 и можно совершенно съехать крышей,
 ночами разбирая град метафор,
 а днем ученикам твердить о вечном,
 в картинах, книгах черпая премудрость,
 по выставкам водить мешанок сонных,
 а вечером, крича по телефону,
 межгороду ответить непременно.
 Подумать только, говорить часами,
 проматывая деньги, силы, нервы,
 срывая голос, править опечатки,
 отстаивать тире, спасать финалы,
 опаздывать в бассейны, магазины,
 не успевать в сберкассы и планерки,
 чтоб только автор наконец увидел,
 что этот вариант его устроит!...

И вышла книга песен романсеро,
 где муками взрывались все попытки
 понять хоть что-то в жизни и искусстве,
 где горечь все пропитывала дегтем,
 и смех, и зубоскальство не мешали
 другим увидеть, что у них все так же.
 Побегала тогда я с этой книгой,
 подпольные печатные участки
 просила все пустить помимо кассы,
 чтоб не усугублять заказ налогом.
 Потом все эти пакки отправляла
 машиной, что возила нам газету,
 нещадно оболгавшую меня же...
 Горела и сама я нетерпеньем,
 и романсеро гнал волну - скорее
 все сделать, к сроку обещала.

...Весь Белый зал наполнился народом.
Казалось, никому не интересно,
выслушивать поэтов пререканья.
Но не сорвался вечер многолюдный.
Парад поэтов явно получился,
и три часа не мог наскучить людям.
Газеты ничего не освещали,
не велено им было – “андеграунд”,
а романсеро под аплодисменты
уехал, отказавшись от союза.
Конечно, я рассчитывала, чтобы
труды мои бесславно не пропали.
Не я ли вдохновила делать книгу!
Наверно, в том союзе он не нужен.
Однако человек всегда загадка -
он принял эту помощь без сомнений.
Боялась я пожаловаться выше,
боялась говорить об этом - насмех
и шкурной быть. Работать не на группу,
на вечность я должна была бы... Грустно.
И бровки я насупливала хмуро,
себя саму пыталась опровергнуть,
комочк нерастворяемый глотала,
а также корвалол с новопасситом.
Выходит, жизнь меня все учит, учит,
и все же не научит почему-то
беречь и самолюбие, и время...
Так что же делать? Хоть дышать поглубже!
Я думаю, что умный сам все понял,
с глупцами - объясняться бесполезно.
Ведь я своим безумием гордилась
и открывала новые таланты...

СНЕГОПАД
(культмассовый сектор)

Сегодня лупит плотная завеса,
не тихий лет снежинок - просто туча
и взвесь почти похожа на сметану,
как будто в небе развели шпатлевку.
И очередь моя дорожки чистить,
не сторож будет делать, и не дворник, -
положено духовно отработать,
избавившись от лени и спеси.
Но спесь, мои родные, это нечто,
что у меня отсутствует как орган.
...Скажите, где же ключик от подсобки?
Обидно тратить время на хождение,
в то время как знакомая томится,
с рассказом, как любила Сатъя Саи,
и стало все волшебным получаться,
и ауру увидела глазами.
Над головой клубящимся сияньем
роились пятна золотистых мушек,
и рой то вдруг редел, то уплотнялся.
Не станет врать она, ей можно верить.
Мне, правда, неудобно, вдруг увидит
пророчащая - легкий черный абрис...
...Ах, там открыто? Это вдохновляет.
Пожалуйста, могла бы я сначала
и со двора, где сгрузят облицовку.
Машину заверну, чтоб встала ближе.

Послушайте, зачем вы здесь? В журнале
вчера не расписались вы, не ваше
дежурство по метельной круговерти.
Сверхлегкая одежда удивляет.
Гимнастикой решили вдруг заняться?
И ваши адидасовские тапки,
они же не для северных сугробов...

А мой-то малахай не промокает.
 Но я сюда пришла не для разборок.
 Мне кажутся нелепыми придирки
 за то, что опоздала на планерку.

Ходила я в редакцию газеты
 поставить объявление Дня культуры –
 вы сами нам твердили про рекламу.
 Коллеги были в книжном магазине –
 напомню, вы их сами посылали
 Блаватскую купить с Алисой Бейли
 для секции научно-философской.
 И каждый знает, кто что будет делать.

Про выставку я тоже уяснила,
 что филиал нарушил график, так что нужно
 созваниваться снова с галереей.
 И как, и что развесить – тоже ясно.

Я не об этом, господин хороший.
 О том, что вы по поводу названья
 дискуссию устроили, – что птица,
 похожа на змею.. А мне эмблема
 понравилась, в ней острога, лукавство...
 ...Нет, лучше вы двуручную лопату,
 а я возьму поуже и поменьше...

Я о поездке вашей не способна
 судить, как это нужно и весомо.
 Мне Индия в работе не помощник,
 и делать мне там нечего, оставьте.
 Мне ясно, что мне надо делать в центре,
 служения, намеченного мною,
 достаточно на десять лет, на двадцать.

В подвале изостудия, прекрасно.
 Китайская гимнастика, общенье.

Но то, что при художнике ругались,
 меня сразило намертво. Не надо.

Послушайте, я знаю андеграунд.
 Он ссорился со всеми, кто имеет
 хоть слабое касанье к вернисажам.

Искусствоведов дрожь бывает, мучит,
 когда они пытаются припомнить,
 как с ним встречались, чем кончалось это...

Он носит мне обрывки почеркушек,
 пытаюсь дать набросок каталога.

Я выставок немало проводила,
 и каталог составить я способна.

Он не владеет словом так, как кистью.
 Четыре раза я верстать устала.

Потом увы, оказывалось поздно
 печатать каталоги и афиши.

Возможно, он явление преисподней,
 предтеча и певец из подсознания.

Но есть же и метаньям духа мера!..

Служители бывают слишком круты,
 хоть с той же встречей, что переносили,
 и новый альманах презентовался.

Поэтка в белых брюках захотела
 собрать всю молодежь на выходные,
 чтоб буйствовал задор, стихи, гитары,
 (финансовые скачки надоели...)

Людей пришло немало, вы в отъезде.

Функционеры ваши ей велели
 помыть полы в том самом Белом зале.

Когда концерт закончился, фотограф
 снимал на память тех, кто выступали,
 дарили ей цветы, аплодисменты,
 автографы впервые попросили...

Вы б видели наряд у презентантки...

Зеленый бархат, золото и шпильки,
 положенные на такой премьере -
 и рядом швабра с жуткой мешковиной.

Поклонники не вынесли такого,

Сюда их, верно, больше не затащишь.
 Вы выберите, что же вам важнее.

Духовные возможны отработки --
 не для того, чтоб публика глазела
 на эту отработку -- издеваясь.
 Дворец искусств порою очень резко
 на место ставит тех, кто воспаряет -
 он вовсе не для этого придуман.
 Я вызубрила выставку по книгам,
 по три-четыре класса в день приходит,
 постигнуть «Матерь мира», «Гималаи»,
 и этики живое дуновение.
 Но если забредают к нам поэты,
 могли бы подменить меня другие.
 Поэты - это вечное, и с ними
 я шествую по всем моим работам.
 Запреты ваши на литературу
 поистине нелепы -- неподвластна
 для вашего рассудка эта вечность...
 ...Я со двора уж чистила, мне жарко.
 Теперь крыльцо - и можно закругляться.
 Борьба со снегом сей момент без смысла.
 Борьба с функционерами тем паче.
 Природе мы смешны, мельканье мушек.
 Машина вон идет, предупредите,
 чтобы не с реки, где скользко, заезжали.
 Я книги вам дарила - вы читали?
 Вернее, вам подписаны, но в тексте
 Вы ничего не поняли. Не жалко?
 Вам кажется, что в Индии - духовность,
 а здесь одно уныние, болото..
 Вот именно, болото формализма.
 Где человека слышат, там оазис.
 А я всегда стараюсь их услышать.
 Вот вы боитесь записать кассеты,
 которые, быть может, вам откроют
 доселе неизвестные таланты...
 Прославят этот центр и ваши деньги.

Духовность или деньги. Но не стоит
 брать деньги с тех, кто выше вас сознанием
 и в качестве оплаты вас прославит.
 И было бы наверно, справедливо
 им возместить затраченные силы
 на проведение вечера романсов.
 Но вы решили, - с неба все упало.
 Поэтому и барды не вернутся.
 А кто их приглашал – ну, я, конечно.

...Считать листами, сколько там бумаги
 потрачено на новую поэму!

В то время как компьютеры забыты
 игрушками и справками о стеклах!
 Я сделала три книги, но подпольно -
 а вы б могли извлечь еще и пользу
 из этого потока, но не стали.

Журнал эзотерический закрыли.
 Мне нравилось верстать... Их было трое
 из тех, кому хотелось тут остаться.
 Ушли с таким же горестным осадком -
 не удивляйтесь славе негативной.

И дело не в священнике из храма,
 что освятить отказывался зданье,
 не в сектах дело, видите, что нет их.

Анопова сложна для пониманья? -
 Пускай бы философское течение
 и дальше изучали, если любят...

Ну что за страх вас гонит на запреты!

Пошире посмотрите, и поглубже.
 Проверьте, где в районах вернисажи.

Чтоб не давить людей очередями,
 не обижать художников, устройте
 прокат в Домах культуры - после центра,
 они же вам спасибо только скажут!

Пока вы были в Индии, особа
 из новеньких всем центром заправляла.

Я знала эту дамочку - мамуля
 приятеля по Индии, и все же
 официально мы ей подчинялись.
 Поймите же, бух-гал-тер! И по духу
 не может управлять духовным центром.
 Мы на планерках по текущим планам
 выслушивали дикие признания,
 как тяжело судиться за квартиру.
 По всем стенам размножились бумаги,
 за всеми надзирающие рьяно.
 Дежурить день и ночь, мести дорожки,
 записывать за теми, кто уходит
 поставить пломбу иль звонить ребенку
 (для вычетов тупое основание).
 У входа на табло должны светиться
 цитаты из Блаватской непременно.
 Когда я сочиняла планы на год,
 решалась связь со школами ремесел,
 со скрипачами, и тому подобным, -
 она ужесточала виды слежки.
 Со мной была истерика однажды,
 когда я поняла, что непременно
 она загубит все, что только сможет.
 Я плакала, уткнувшись лбом в компьютер,
 в дряхлеющий печатный «панасоник»,
 что вдумчиво печатал раз в неделю,
 и то по заклинанию и после
 двукратного поглаживанья кнопок.

И о планерках, знаете, не будем.
 Опаздываю вечно на планерки.
 Мне потому что надо в три конторы
 зайги с утра, покуда все на месте.
 И этот случай. Вы в тот раз вещали,
 как были вместе с группой в ашраме.
 Что был зеленый холм, и там сидели

среди солнца люди в белом одеянье молились, позже в храме белоснежном, где насквозь пронизано величием... (Виски уже ломило от рассказа).

Подарен был большой пакет вибхути. Внимали мы, какое там паренье.... Томилась сонно очередь в приемной, капризный андеграунд с новой папкой.

Обиженный художник по рекламе, аж группа ходоков-пенсионеров, которым негде больше собираться. Там девушка с гитарой, поэтесса, со страхом ожидала приговора, что вся ее тетрадка тень пустая, гроша не стоит. Утомленный резчик перебирал рюкзак и сувениры раскладывал сияющие лаком. Никто из них не мог добиться толку, пока мы в кабинетных креслах гасли. Я стол ваш никогда не забуду - резной, тяжелый, ну, почти надгробье на всех моих идеях. На шурупах.

Пока вы разводили тары-бары, я все блуждала глазом по узорам...

Мне хочется закончить анекдотом, но вот смущаюсь - может, неприлично. Однажды в дом терпимости приходит нетерпеливый воин весь в пятнистом.

Он брит, бряцает, грозными бровями намек дает - ему нужна брюнетка.

«Потише, у мадам идет планерка!» За ним, весь в коже, прямо из девятки как уголь черный дядя с юга в кассу - «блондинки тоже чахнут на планерке».

Покой приемный весь гудел как улей, когда мадам закончила вливанье. И все, кто не был все-таки обслужен, побить могли здесь все от нетерпенья. Подумайте - скандал, когда нет службы, довольства нет, и вздохов, и стенаний.

Вина? Мадам, кокетки - без монеты..

Куда же вы бежать, зачем так гневно?

Уходите, не завершив служенья? Ведь снег еще не кончился, смотрите... Такой коктейль молочный нынче взбили, что лопнуть можно от такой диеты.

И этих ложек - ручной и двуручной - пожалуй, для служенья многовато.

ШКАФНЫЕ ПТИЦЫ (заказ художнице)

Как хорошо сидели мы в музее! Картины так дымились и сияли,
 Как будто бы нам добавляли света, электризуя яркое пространство
 от лестницы до полочек с кистями, палитрами и папками набросков.
 Наохлившись, фонарь с неясным скрипом
 участвовал порой в словесных битвах.
 Ты думаешь, шучу я? И напрасно! Иные полегли вполне серьезно
 И до сих пор зализывают раны, писательские распри проклиная.
 Смешной был адвокат, слагатель строчек,
 в которых соллогубовским химерам
 И тракторам соседствовать случалось. Учились построению размера,
 Но кажется, хребет ему сломали! Ушла преподаватель средней школы,
 Поставив крест на технике и звуке.
 Не выдержал наладчик роль фантаста -
 Писать под наши шквальные разборки!...
 (К тому же при попытке описанья
 Нечистых сил - обрушивались беды,
 а сыну в это время срок жениться...)
 Ах, этот домик был смешной и добрый.
 Проспорив три часа без перерыва,
 Мы самовар скорее раздували, баранки доставали с рафинадом...
 Текли беседы тише и сердечней,
 поскольку исподволь смотрел на нас хозяин
 Насмешливо кивая из-за шкафа.
 Домоправительницы были терпеливы,
 Но ежели кого-то заносило - на крик сорваться, врезать непечатно -
 То боязливо в плечики вжимались: неужто позволяет воспитанье?
 Историей искусства пропитались!
 Казалось, что художник только вышел,
 Оставив дверь нечаянно открытой.
 А мы и рады - с грохотом по лавкам,
 Листами потрясая, искры мечем, чтоб завтра позабыть о разногласьях!
 Мирил нас круглый стол, покрытый кожей,
 и лампы в несусветных абажурах,
 И на буфете в завитках крученых загадочные птицы колдовские:
 Смотрели полусонно с дверцы шкафа
 и крылья потихоньку расправляли.
 Триумфов здесь, конечно, повидали.
 Запомнился визит высокой дамы
 Ты верно помнишь - делали альбомы,
 которые она потом скупила,
 И спрятала свидетельство позора...
 А уровень был верно никудышный!

Но бешеных эмоций не сдержали! Хотели только выразить признание!

Приветствовали юное создание, богемную особу в белых брюках -

Пушкой же шокирует поэма, пойдет потом заманчивая проза

У этой легкомысленной студентки, что ловится на прелести хип-хопа?

Никто писать насильно не заставит, и можно повторять высокомерно,

Что сохла муза, и никто не плачет. Но попробовать заманчиво и жутко!

Была и я раскатана построчно, и испытала горечь поражения...

В музеи похвалы острее были, но редкие минуты пониманья

Меня толкали начинать сначала, доказывать, что я не графоманка,

И я все переписывала файлы про бедного художника с девчонкой,

Молившего о чувстве непосильном и вымолившем чудо-наказанье.

Как странно эта драма проросла в меня назло бродяге романсеро.

Веселый хулиган с шарфом на шее, что выпрыгнул из темноты общаги,

Блестя своими модными очками, метафорами бойко осыпая,

Он слишком быстро стал собой гордиться

на фоне всей студенческой оравы,

Показывая публике кульбиты, но в смыслы абсолютно не вникая...

Два друга полегли на банкетках,

остав бороться с водочным тайфуном,

Уваживши исконный сей обычай не хуже предыдущих поколений.

И предсказал седой смешливый критик про острие и смелость авангарда

Который среди нас теперь рождается

под неусыпным взором пифий шкафных...

В присутствии газетных ротозеев запущен был бумажный самолетик,

Который вдруг спикировал к селянке! И все ошеломленно замолчали.

(Быть острием хотели явно трое - нововолнисты! Прочие - подспудно.)

Селянка в это время все дремала. Она стеснялась возраста в полтинник,

Душевных текстов, внучке сочиненных, и скатерти с баранками и чаем.

Усталые она смежала веки, посуточно на вахте отдежурив,

Собаку быстро выгуляв и ужин покрывши полосатым полотенцем,

Она, наверно, не стремилась в вечность,

а только так, одним глазком увидеть.

Сидела ближе всех у дверцы шкафа.

И, опершись на веер птичьих крыльев,

Почувствовала, что ее уносит,

что хищная метель ее глазами

Окидывает город и предместье

(наверно, стала снежной королевой).

И ощущать себя снежинок роем

нисколько не боялась поселанка.

Захватывало дух такой свободой,

что с ветром засмеяться захотелось.

За несколько минут прожив сто жизней, побывши снегом, талой водою,
Букашкой, рыбой, рослою собакой, тростиной, деревьями, даже шкафом,

Она вдруг очутилась здесь, над нами. И ощутила теплоту и пенью,

Круги от лампы медленно поплыли, и люди, так далекие от бога,

Ей высшими внезапно показались, поскольку окружало их сиянье.

Никак не оправдав свое молчанье, не обсудив с коллегами ни строчки,

Селянка испытала благодарность за праздник жизни, тихий и наивный.

Простым натурам просто подается - она тогда всех страшно удивила,

Пронзительным магическим рассказом, который обсуждали единицы.

(Поскольку эта данность не для многих, а лишь для тех, кто это понимает,

Вернее, просто жаждет, тем навстречу она и открывается - не настезь).

Ты знаешь, извини, я отвлекаюсь. На полуслове праздник обрываю,

Художнику словесные ля-ля-ля покажутся, наверное, больными.

Но знать тебе полезно весь анамнез,

поскольку это единичный случай.

Тебе придется рисовать совсем другое

для книги нашей вянущей пастушки,

Но этот случай - блеск. Необъяснимо

у человека головешки тлели,

Пока на них не дунуло в музее,

пока на них не клюнули жар-птицы.

Потом селянка муторно болела, и деньги собирала на больницу,

Решалась с операцией, ложилась, надолго исчезая из тусовок,

А через три недели стала слепнуть. Но это положенья не меняет.

Заложённая бомба не ржавела, и вовремя рванула там, где надо.

Ты хочешь доказательства? Ну вот же, смотри, на фотографии мы рядом,

Я вытаращилась, в руках баранка, а эта тютя сонная вешает,

Глаза прикрыв, свои смешные басни, и наши все кругом оторопели.

Итак - мы выпускать хотели б книжку, фиксируя вполне материально

По-прежнему непознанное чудо: рождение и власть ее таланта.

Потом пошли словесные узоры, фольклорные резные завитушки,

Научно – это все диалектизмы. Таинственная нитка ослабела,

И перестала связывать баранки...

И все-таки – согласна? Нарисуешь?

ФУРОР ФАВОРИТА
(культмассовый сектор)

Звонок телефона раздался уж ночью,
и мне невдомек, что звонок не случайный...

Звонил керамист и поэт из Урала,
и книгу просил прочитать непременно,
которую он-де оставил на вахте...

И здесь я подумала - мало ли, автор
который был в городе просто проездом...

Но голос настойчиво звал на свиданье,
сулил разговор и загадочно рвался...

Поскольку в гостиницу я не хотела,
то я попросила любезно не путать
с девицами, что на звонок выезжают.
Но дать ему шанс я однако решилась -
пускай на лито непременно приходит
и после обычной повестки и прений
все то, что привез он с собой, - прочитает.

Однако звонки и потом продолжались,
когда я под пальмами тихо сидела,
и гул голосов и бутылок бряцанье
посяли уйму ужасных предчувствий.

Под сводами пышного зала для съездов
занятия клуба вести я пыталась,
в то время как гость от толпы отделился
свой столик поставил и кучу бутылок!

Туда подходили лентяи и лохи
из тех, что клюют на любую халяву,
питье их росло, берега затопляло,
когда вдруг подходит ко мне... романсеро...
и просит наивно пивка... чекалдыкнуть...

И грубо меня обнимая за плечи,
 (стряхнула я прочь тяжеленную руку)-
 вешает, что просит у публики слова.
 О, как я смотрелась, с какою издевкой
 собратья мои подмигнуть мне пытались!
 “Ведь это твои, дорогая, идеи,
 (мечтала продвинуть провинцию к центру),
 таланты, которые ты защищала!”

Я помню, кого мы тогда обсуждали -
 юрист из района, труднейшие тексты, -
 но смысл исчезал, обрывалась беседа,
 спина моя колкую чуяла плетку -
 в углу бормотали пивные бочонки.
 И в бешенстве я призывала к вниманью,
 сама излагая догадки несвязно.
 Юристовы щеки белее бумаги,
 очки золотые, дрожащие брови -
 запомнил пиит безобразье базара,
 и больше прийти никогда не захочет...

Потом наблюдали “фурор фаворита”.
 Читал, запинаясь, проглатывал фразы -
 жуя их с кусочками вяленой воблы.
 Там речь шла о женщине вдрызг одинокой,
 забывшей о ласке, затоптанной миром,
 от зверства мужчины вконец озверевшей.
 Какое нам дело до личной изнанки
 твоей героини - свое почитал бы!
 Но он продолжал, говорил, это классно...
 Чему я конец положить захотела.
 Базар продолжался - хозяева злились,
 замечены были пииты впервые
 за таким непозтичным занятием.

Поэтому вскорости нас попросили
те пышные залы для съездов покинуть.

О слезы мои, обливанье морское,
закалка для сердца и ужас измены,
когда ты сама же себе изменяешь,
когда твоя радость с мурлом мещанина
упившись до хрюка, тебя обнимает.
А все говорили, что “женская ручка”!
Не знаю, зачем он прикинулся бабой,
которую сам же втоптал в тротуары,
которую сам же низвел до отверстия...
Не помню, такой не записан, не знаю,
а если и помнила, то забываю,
как сосны от снега вконец захмелели,
как ветры снежинками тихо кололись...
Зачем удивлялась тому понимающе,
которое с флиртом нисколько не схоже?
А впрочем, пускай и обманывал кто-то
надеясь на пыл и набор за бесплатно -
любила, поддерживала, ошибалась...
И в сердце не просто безмерная жалость,
а гул торжества над житейскою грязью,
улыбка беспомощная и святая.

ДЕНЬ ГОРОДА
(звонок в издательство)

Доброе утро, сударыня, здравствуйте,
 Как отдохнули в лазурной Анталии?
 Чай, загорели под солнышком Турции?
 Нет, я была лишь в Москве, в Переделкино,
 Там проходили события в Пушкинском,
 Съехались старой Европы писатели,
 Речи гремели, фуршеты и праздники.
 Много встречались и с нашей провинцией,
 Только словами, а книг недостаточно.
 Нет, вашу папку мне даже не отдали,
 Только гоняли три раза - и попусту.
 Нет, это правильно, старую аркою
 Я проходила, мансарду с пристройкою,
 третий этаж, все как с вами условились...
 Я понимаю, потом вы уехали,
 Курс обучения и повышения...
 Папка Дарова однако же, сгнула,
 Может быть, сам он тихонько наведался,
 Может приятель, союзом подосланный...

Как бы узнать мне, в каком состоянии
 Рукопись сборника, сданного осенью.
 Вот уже год она, пылью покрытая,
 Вянет в столах и на полках издательских, -
 Нам обещали ее финансировать.
 Были у мэра такой делегацией,
 Сами же знаете, как это медленно.
 Там же присутствовал из департамента
 Важный чиновник, и он все записывал.
 Мне говорили, что только День города
 Может быть поводом для соглашения.

Есть там заявочка от департамента?

Вы поищите заявку, пожалуйста.

Я вам звоню уж в течении месяца, Все отвечали, что в отпуск уехали.

Ах, отыскали. И что там с финансами? Вы понимаете, скоро День города,

Авторы будут районами посланы, В центре у нас состоится отчетное

Мероприятие, очень солидное, И над рекою, с высокого берега

Будет для лучших из них награждение. Нам департаментом было обещано,

Будут сигналы для лучших наградою... Что вы сказали? Какие буклетики?

Я повторяю, что рукопись толстая, Там сорок авторов - ну, приблизительно.

Целых два года его собирали мы. Нет, что вы, что вы, вы поняли правильно.

Может, буклетики - это отдельное, Это заказ от союза художников?

Мне в департаменте было обещано -Сборнику быть. Долевое участие

От областной конференции Сороса, Далее спонсорский вклад энергетиков.

Вы говорите, счета уж оплачены?! В чем же тут дело? Теряю терпение.

Что значит - часть? Что проплата кусочками?

Но невозможно, чтоб книга кусочками

Вышла, к тому же на праздник Дня города.

Может быть, выпустить книгу-то полностью,

Только тираж занижая до четверти?

Ах, так не выгодно. Что же нам делать-то?

Деньги на сборник пошли на буклетики.

Деньги, которые шли литераторам.

Браво, сударыня, как удивительно,

Как отрезвляет народ хладнокровие,

С коим представлены все доказательства,

Что ничего не хотели просители -

То ли просители, то ли вредители...

Что же, прощайте до будущей осени.

СВЯЗНОЙ
(сон наоборот)

Неважно, кто приносит мне известие из фонда... Конверт с гербами, на мелованной бумаге... Туда я подавала заявление, чтоб дали кабинет для клуба. Проходит двадцать, тридцать лет, и в мир иной уходит основатель, а нам приходится скитаться и проситься на постой. Из фонда мне, конечно, отвечают, что очередь моя пятьсот семнадцать... И каждый год отписки - в этом духе.

Но кто-то мне приносит известие, что в том союзе есть одна возможность. Иду я в стан врага, ужасный ветер. В том здании, где мэр, толпа народу. Просители стоят, пенсионеры. На каждом этаже снуют охрана. Охранник среди них - а был же в банке - что делает он здесь, мне непонятно. Ему киваю, показав глазами влево, туда, где есть проход к тому союзу. Лицо его загадочно, белесо. Ко мне подходит, словно заговорщик, как в ролике про номер тридцать третий. И дама ждет, что вот маляр ей скажет! Но мне охранник вдруг сквозь зубы цедит, что он меня вообще в упор не знает. Шепчу умопомраченно - как же наша книга? Ходила я к тебе в больницу вся в надежде, что выберешься. Выбрался ли ты? Он говорит - идите снова вниз, вас знать не знаю. Ужас. Я отступаю. Нет, это бы не он, ведь он бы никогда... Потом мне очень долго пишут пропуск, косясь на мой билет писательский, где Ленин. Не верили, конечно.

По темным коридорам, все без света, я вышла, наконец, к тем кабинетам. Там все как прежде. Мебель, все с чехлами. Большие стенды с книгами ушедших. Живописатель вологодских свадеб с лучистой улыбкой - над столами. Выходит секретарша, мы знакомы. Показывает залу через стенку - сидите здесь, тут сейфы, телефончик. Вот здесь проставьте мне часы приема. Я говорю - но как же? Будут против! Начальство ваше знать меня не хочет. Она - начальство вышло. Мрут, стареют. Оставшиеся тут сидеть не могут, они не могут даже новых выбрать сами. В усадьбах те, кто пишет, да еще в больницах. Я говорю - сюда идти бояться!

Ну как же я скажу - я что, предатель (охранник не идет с ума, простите)? Она мне - просто так, для консультаций. Ведь я не стану разбирать им рифмы, а должен кто-то пишущий работать.

В оконных рамах ветер завывает, мы кофе молча пьем, вздыхаем тихо. От форточки влетевший лист кленовый, вертясь, вдруг опускается на столик, на рукописи авторов безвестных.

ЕЛОВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ (репетиция речи)

Ты приходил и садился напротив, вытирая ветошкой мазутные смуглые пальцы, руки вовсе не лопатой, не рабочие, а студенческие какие-то.

- Ты все наладил?- спрашивала я.
- Все не наладить, - усмеялся ты.
- Но ты же наладчик, как же ты налаживаешь?
- Так, чтоб не приставали.

И начинал рассказывать очередной замысел, историю якобы чьей-то разбитой любви, на самом деле своей, а я сидела и думала - как ты хорошеешь, молодеешь, увлекаемый жизненной силой творчества - загораясь, становишься совсем другим... У меня теплел затылок: вот она где, твоя настоящая жизнь!

- Ты обещал мне свои стихи, - говорила я, - где они?
- У авангардиста нашего.
- Он говорит, у него нет.
- Да зачем они тебе? Худые.
- Худые или нет, это неизвестно, а пройдет время, все будут искать. А их нет нигде.
- Да брось, кому они нужны!

Ты, когда сидел в редакции... На нынешнюю работу уже не смог бы так запросто прийти, тебе бы сказали, что я на планерке, что я на освоении техсредств, а я в это время пытаюсь открыть заказанные накануне "Пушкинские места", компакт-диск с «удобным интерфейсом» (а он не то что не удобный, он вообще как ребус), чтобы показать это школьникам... Но в редакцию ты приходил свободно - в зеленой пятнистой спецухе, грустный, думающий о сломанной пишмашинке, ты мог ли себе представить такое стечение народа? И все это ради тебя. Уж наверно, если бы я сказала про это тогда, ты бы подумал, что прикалываюсь, обиделся или бы просто ушел. Но я-то никуда от этого уйти не могу, поскольку я участница Еловинских чтений и у меня сообщение подготовлено. И я так и не дозналась, куда

подевалась та подборка стихов, все же читали, найди теперь. А со стихом «Опадаю» так все драматично!

Стих был в твоих записях у Тоши, и я, честно, подумала, что это твой стих. Но твой братан заупрямился, дал задание библиотеке и вот пожалуйста - оказалось,

что на самом деле это Аввакумовой стих! Тебе приятно, что он знает твои стихи на память? И кстати, этот мотив есть в повести «Москва-Петушки» Ерофеева - «я облетаю, облетаю»... Странно. Как будто все писатели думают одну и тут же мысль. Вот и ты включился в эту вечную цепь...

А по поводу тебя самого у всех мысли разные. Одни, как орг из Сонового Бора, считают, что смерть ничего не добавляет к текстам, что вообще наша литература становится некрофильской. А другие, подобно твоему приятелю, подтверждают, что без этого, без смерти - тебя никто не узнал бы. Так многие думают, кстати.

Но на эти чтения приедут писатели и критики из Финляндии и Франции, будут москвичи, славист из Польши. На берегу речки строят трибуны из белого теса, лавки под навесом, все такое яркое, струганное, смолка выступает на срезах. Тетя Настя считает - свежий тес к плохому. Но это если во сне, а Еловинские чтения не мираж, вон сколько тут народу. Комитет по культуре денег дал почти как на Шаламова и привезен на двух братановых машинах. Сам братан тоже здесь, во все вникает и всем командует. Ты мог бы не волноваться - на презентации книги он сидел убитый совершенно, даже раздумал что-то говорить, а теперь, слава Богу, нет, держится бодро, шутит даже. Мы говорили с ним, да, мы говорили о том, чтоб не пропали материалы чтений, они, конечно, пойдут в мой следующий альманах, ну не с тем старым названием, у которого отобрали номер, а в другой. Умные люди поймут, что под любым названием будет моя копилка ценностей. Я собираю все, чтоб не пропало, и оно не пропадет. Я не умею делать стиль, зато у меня такой срез пластов! Один ты чего стоишь. Ты ведь не просто автор, ты целый ареал. Конечно, это безумие, я обжигалась уже, но вот снова... Я спала на сеновале на твоей подушке, тетя Настя дала. Огромная подушка

величиной со стол, пуховая, в синей цветастой наволочке. На ней мягко, но не проваливаешься, спалось без кошмаров, с какими солнечными бликами и стрекотом травяным, наверно, из-за сена. Я сказала про это, а тетя Настя велела ее с собой увезти. Я даже опешила - куда такую огромную? Может, лучше по почте? Скрутили ее веревкой, сделали меньше, обернули в пластик, заварили. Потом смотрят - габариты не те, другие рубли начислили. И паспорт потребовали, чего никогда не было раньше. Бабульки, сидевшие на деревенской почте в бессрочном ожидании пенсий, смотрели на меня недовольно: «И пошто мается? Увезла б на себе, никуда не делась». Но посылку с подушкой я все же отправила и пошла с почты притихшая, успокоенная. Теперь я смогу уехать налегке, сразу после культурной программы... В клубе уже идут репетиции концерта. Группа «Атмосфера» разложила на голоса мою старую песню на твои стихи - «Однажды я падал с балкона», теперь это уже известная в городе группа. У них солистка поет вторую партию, а ребята - гитаристы - первую...

Я сижу на берегу реки, вспоминаю, как ты принес эти стихи после падения на учебке с четвертого этажа. Ведь тебе я хотела первому эту песню спеть, так и не спела.

Напротив трибун ужасная толкотня, это приехали лотки и всякие торговые точки. Помнишь, как мы мотались с пирожными на лито? Я сердилась, что это отвлекает внимание от искусства на жратву, а ты доказывал, что так нельзя, люди со смены. А сегодня никто нас с тобой не спрашивает. Тут сегодня столько пирожных, что объелся бы весь твой шлифовально-сборочный цех номер шесть. Мишка, ты был такой молодой, ты не узнал бы меня сейчас, ничего не осталось от той черненькой вертушки, которая шепталась с тобой в редакции. У меня вена ноет на левой ноге, сердце колет непрерывно, но я здесь, я приехала на чтения в твою честь, получай, друг юности, коллега по перу! Нет, там не только лотки. Там что-то такое яркое, невысказанное, елочное, горит огнями на солнце. Ах, теперь понятно. Они вышли из автобуса, вытянулись в круг и грянули «Междупольем разрастается зелень горькая полян». Гармошки так и взревели у них. Мишка, это никак школа традиционной народной культуры в сарафанах и кокошниках, и при все полном параде. Вот здорово, тебе Насте понравится, а тебе? А тебе - не знаю...

Я не успела понять, пока ты в клубе выступал,

где гремела знаменитая «Вечерина», я не заметила, чтоб ты очень любил фольклор...

А вон по дороге, смотри-ка, машина с почтой тарахтит, заворачивает к околице. Дверки старого фургона закручены проволокой... И при очередной выбоине - шарах! - посылка с подушкой мягко падает в пыль напротив меня. Я так и знала! И что я теперь буду делать? Братан хитро улыбается мне из группы людей - «говорил, никуда не денешься!» Напрасно он так веселится, чем больше тут все веселятся, тем больше моя паника, я выхожу с подушкой на трибуну, речь я должна говорить, но бумаги остались в портфеле, а у меня в руках совсем другой, опять эта ноша... Как же я буду говорить?

Сиреневые цветочки расплываются перед глазами, наплывают близко, близко. Зачем эта подушка, если бы ты остался жив, ты сам нынче спал бы на ней, мать готовила для тебя, твоих сынишек, ты всегда напивался и спал, а я, глупая, шла за тебя выступать. Вот и сейчас все повторяется, такая нелепость - кто я такая, чтоб за тебя говорить? Да еще здесь, где ты вырос, над этим холмом, среди этих сосен, таящих твой голос. Где же эта учительница, которая одна-единственная успела записать тебя на магнитофон? Во мне избыток фанфаронства, но прости, я думала, кто же, если не я? На поминках твоих я выпила лишку и несколько раз падала, пока бежала к автобусу, и ведь никто не пошел в грескучий мороз проводить, замерзла бы, никто б не знал, где. Я бежала и молилась не своими словами - нет, не пропаду, бог не даст пропасть, ради тебя... И правда, чудом доехала до центра, отбившись от каких-то хануриков по дороге.

Но теперь все люди затихли:
что за дичь происходит там,

на трибуне? Уведите эту мадам, она не в себе. Да конечно, я не в себе, а в тебе, так что вам бесполезно. ...Ведь сегодня, едва отметив сорокалетие нашего удивительного, глубоко и горячо народного таланта, перед его памятником в соснах мы немного ближе к нему, чем при жизни. И прежде чем говорить о старине и новизне, о причастности и маргинальности, о традициях и новациях... Давайте немного помолчим.

Тело возьмет земля /душу возьмет Господь /голос молитвы для /
 взлета небесный свод/ Не торопись уйти /холод могил кляня / я
 узнаю мотив - / больше нас не разнять/ шелесту сосен над /
 мраморным забытьем /как много лет назад / мы помолчим
 вдвоем/ Тело взяла земля / душу прибрал Господь / век его
 умолять / царствовать над и под...

КАПСУЛА ТВОРЧЕСТВА

(речь на открытии)

Друзья мои, союзники, коллеги и читатели.

Парад Поэтов, городу подарок - начинаем мы.

Сегодня мы как будто бы всем миром породняемся, искусство нас удерживает, - свет так притягателен, мигнувший неожиданно, заставивший задуматься..

И каждый оглянувшийся вдали увидит молодость, прекрасную и горькую, и жажду повторения.

Раскаянья-мечтания все дальше отдаляются -

да что угодно душу разрывает жаждой высказать.

Так музу наши пальцы удержали, край небесного - одежд ее - не выпустить.. Да есть еще препятствия!

Ах как бы мне хотелось этот праздник сделать символом, ведь в сутолоке буден телефонной, в толще времени всегда есть гром открытия, и тайны откровение.

Пока одну разгадываешь тайну, обнаружится Другая... Вот забрезжила. И каждый раз все новое, отныне уникальное. Вы знаете, как много вас?

Представлены и юные, в холодность вод входящие,

И те, кто получил уже крещение известностью,

Но это и не все еще, ведь сколько не приехало.

А то, что столько зрителей - прямое подтверждение

Что жажда слова мучает не только сочинителей!

Поздравлю всех присутствующих! Все да будут счастливы.

Обещанная книга все ж не вышла. В типографии она утонет в залежах, пока профинансируют.

Никто не собирается бить стекла в управлении, известны нам их трудности, давно все разговорано,

остатки разделили по селениям потемкинским, показывать по телику доярок с лапоточками, да честь воздать преставленным, пока живые маются...

И молодость бушующая, кажется, придумала

Уловку очень верную начальству в назидание -

Там яма заготовлена и прутик зеленостроевский.

По окончаньи чтения торжественно зароем мы

туда все, что не читано, нигде не опубликовано -

захороненье глиняных табличек! - или с виршами,

иль с письмами любовными, которые отвергнуты.

Не знаю, что здесь вырастет, найдут ли эту капсулу,

в которой на листах и на дискетах все записано, все вещи века, как они сегодня понимаемы.

Мне лично страшно, - кажется, раскапывать могильники

цинично и небережно, но в знак протеста, все-таки

бросаю в эту яму и свои рассказы новые,

которые, по-моему, не будут напечатаны.

Посадим липу, пусть растёт, качающийся памятник.
 Не липа ли все то, что нами создано, что скажете?
 В программе кроме чтения и награждения лучшего
 поездка в монастырь, на косогоре пенье авторов.

Мы будем сильно праздновать. Пускай не публикацию,
 Пускай не книгу в корочках, но акт и демонстрацию
 Того, что мы живём пока - и наше вдохновение.
 Не очень-то престижное занятие для порядочных?
 Но брат того писателя, что вышел из Еловина,
 он, правда, обещал помочь, да он же здесь присутствует.
 Компьютерные версии возьмут библиотекари,
 архивы будут в памяти, доступной Интернет-сети.
 Согласна, что в бумажной книге есть очарование
 надёжности, старинности, но честно бы признались вы-
 вас вынудишь к молчанию? Я знаю, что не вынудишь.

Потомки, вы простите нас. Шутили мы от горечи,
 эссе пытались смешивать с апокрифом и с мухами,
 и вот сегодня смутное веселье с мутью путали,
 как пиво с водкой - с радостью, от жизневосхищения.

И вещи века, право же, не для себя написаны
 и строгие юристы в золоченых дужках, с файлами,
 и дикие лохматые студенты в черных джинсиках,
 и нежные красавицы с туманящими взорами,
 и примы в старом бархате, и вдовушки печальные,
 селянки деревенские, девицы с горлом блюзовым,
 корректорши с горящими глазами, юмористочки,
 угрюмые стекольщики и зеки, и охранники,
 студенточки-подросточки с дымками сигаретными,
 агенты по продажам и простые культуртрегеры,
 оборванно-возвышенные - дяди, сторожащие
 детсадики и оффисы, кино и все котельные,
 газетчики, художники, и даже эзотерики...

Поскольку ценен опыт - драгоценно умножение
 на сорок или на все сто - он трудно оспорим теперь.

Подарок ничего себе, особенно для въедливых!

Мы разные - от курточек и лэйблов до религии,
 и от крючков на рукописи до крюка Мариночки..

По-разному мы смотрим на божественные данности,
 одно нас примиряет всех - загадка и пылание
 несчетных слов, которые пока еще не сказаны.

Неважно, анде-граундом зовемся, овер-граундом.
 хоть рукопись в земле лежит, но мы пока над ней парим.

И знаем, что потребуются людям слово звонкое.

Наступит жажда вечного. Души ошеломление.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Десятая ксерокопия.....	7	Мама крокодилов.....	76
Вчера-сегодня-завтра.....	16	Бег на месте-2.....	79
Бег на месте -1.....	19	Кроки.....	81
Вещи века.....	22	Тета-Тета.....	91
Под пальмой.....	29	Победы побежденных.....	94
Проходи, проходимец.....	31	Эзотерика.....	98
Самоучитель по рисунку.....	36	Рекламный агент.....	99
От дара.....	39	Рост замысла.....	100
Песня под забором.....	41	Вчера, сегодня.....	103
Прощайте, концертмейстер.....	43	Презентация перца.....	109
Замысел.....	46	Лесные люди.....	114
Друг с гитарой.....	48	Пустые хлопоты.....	117
Черный.....	51	Снегопад.....	124
Напутствие входящим.....	57	Шкафные птицы.....	131
Культуртрегер.....	62	Фурор фаворита.....	135
Цветочная одурь.....	63	День города.....	138
Авангардисты в березах.....	68	Связной.....	140
Рваный свитер.....	71	Еловинские чтения.....	141
Глухой мэр.....	73	Капсула творчества.....	146

Щекина Галина Александровна.

ГОРЯЩАЯ РУКОПИСЬ: поэма. Объем

148 стр. Формат А5 (148х210мм).

Оформление: графика Надежды Черкасовой

из цикла «Кроки».

Крока с лото (15)

Крока с цветком (45)

Крока сидящая (61)

Крока с пером (67)

Крока с полкой (84)

Крока с половником (111)

Крока с книгой (119)

Крока летящая (134)

Издательство «Свеча». Вологда, 2005год

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ПФ «Череха»

[35=00]

